

КЭРОЛАЙН ЛИ
СТЕКЛЯННАЯ
ЖЕНЩИНА

ИСЛАНДСКИЙ МИКС ИЗ «ДЖЕЙН ЭЙР» И «РЕБЕККИ»

SUNDAY TIMES

18+

Кэролайн Ли
Стеклянная женщина

«Фантом Пресс»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Ли К.

Стеклянная женщина / К. Ли — «Фантом Пресс», 2019

ISBN 978-5-86471-881-0

Роман в традициях «Джейн Эйр» и «Ребекки» с исландским колоритом. Роуса была счастлива, живя с родителями в их оторванной от остального мира деревне, днем она молилась христианскому Богу, а ночью шепталась со старыми исландскими богами. Но после внезапной смерти отца, оставшись с больной матерью на руках, девушка вынуждена согласиться на брак с заезжим торговцем, предложившим неплохое приданое. Роуса переезжает в свой новый дом, который стоит в стороне от прочего жилья, у самого моря. Мужа ее, Йоуна, почти никогда не бывает дома, на общение с местными жителями он наложил запрет. Молодая женщина существует едва ли не в полной изоляции. И вскоре разум ее начинает выкидывать шутки. Ей мерещатся звуки, ей чуются чьи-то фигуры. Она чувствует, что дом буквально обволакивает ее какой-то магией...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-86471-881-0

© Ли К., 2019

© Фантом Пресс, 2019

Содержание

Словарь исландских слов и выражений	6
Пролог	7
Часть первая	9
Роуса	9
Часть вторая	34
Роуса	34
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Кэролайн Ли

Стеклянная женщина

THE GLASS WOMAN by CAROLINE LEA
COPYRIGHT © 2019 by CAROLINE LEA

© Анна Гайденоко, перевод, 2021

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2021

Словарь исландских слов и выражений

baðstofa (бадстова) – общая комната, которая также служит спальней, обычно с кроватями вдоль стен

Bless (блесс) – приветствие, менее формальное, чем

Komdu sæll og blessaður bóndi (боунди) – глава селения

brennivín (бренивин) – прозрачный алкогольный напиток, приготовляемый из перебродившего зерна или картофельного суслу

dagverður (дагвердюр) – обед

draugur (драугур), множ. число

draugar (драугар) – нечисть, восставший мертвец

elskan (эльскан) – ласковое обращение, «дорогой» или «дорогая»

ginfaxi (гинвахси) – рунический символ, дарующий победу в бою

huldufólk (хюльдуюоульк) – «скрытый народец», или аульвы

hlóðir (хлоудир) – сложенный из больших камней открытый очаг, на котором готовят пищу

Komdu sælar og blessaðar (комдю сайдлар о блессадар) – формальное приветствие, обращенное к нескольким женщинам

Komdu sæll og blessaður (комдю сайдл о блессадюр) – формальное приветствие, обращенное к мужчине

lifrarpylsa (ливрарпильса) – колбаса из мелко нарезанной печени

moldbylur (мольдбилюр) – очень густой снег, из-за которого ничего не видно

nattverður (наттвердюр) – ужин

seiðr (сейдр) – колдовство, которое карается смертной казнью

skyr (скир) – ферментированный йогурт с высоким содержанием белка

prestur (престюр) – сельский пастор

vegvisir (вегвизир) – рунический символ защиты, помогающий отыскать дорогу

Пролог

Стиккисхоульмюр, Исландия, ноябрь 1686 года

В день, когда ворочается земля, чрево скованного льдом моря исторгает на поверхность труп. Пальцы цвета слоновой кости шевелятся, как живые.

Мужчины и женщины Стиккисхоульмюра выскакивают на мороз, спотыкаясь и проклиная подземные толчки, которые осыпают их кусками дерна с крыш. Но при виде руки, призывающей их в ледяную пучину, они осекаются на полуслове, замирают с открытыми ртами.

Мужчины пробираются вперед, карабкаясь по морщинистым наростам застывшей воды. Идти тяжело. Он с трудом ковыляет вместе с ними, зажимая нарывающую рану в боку. Всякий раз, как его ноги в башмаках из тюленьей кожи ступают на лед, он прерывисто втягивает в себя воздух.

Позади него, на промерзшем и заснеженном надежном берегу, сгрудилась наблюдающая толпа. Он чувствует, как они следят за каждым его шагом в надежде, что лед не выдержит.

Он вспоминает, как тащил укутанное в саван и обложеное камнями отяжелевшее тело, как ныла рана, когда они пробирались сквозь сугробы и длинными палками разбивали лед, чтобы столкнуть сверток в воду. Море поглотило его в один миг, белое пятно растворилось во тьме. Но память о теле осталась, как кровавые сцены в сагах – старых как мир и полных страстей легендах, из которых каждый исландец с самого рождения узнает, что такое жестокость.

Шесть дней тому назад он вполголоса прочел молитву над черной водой, и они побрели обратно в дом. Полыню затянуло льдом еще до захода луны, и когда на небо просочились бледные лучи зимнего солнца, под снегом уже ничего не было видно. Природа укрывает множество грехов.

Но земля в Исландии всегда беспокойна. Должно быть, из-за рокочущих содроганий ее недр или из-за водоворотов камни вывалились из савана, и тело всплыло на поверхность из-под растрескавшегося льда. Вот оно виднеется. Манит к себе.

Он поскальзывается и грузно падает, слабо застонав, когда осколок льда впивается в бок. Но нужно идти дальше. Кряхтя от боли, он заставляет себя подняться. Лед трещит под ногами. Позади чавкает бездонная алчная глотка черной воды. Он делает осторожный шаг вперед.

Тихо. Тихо.

Земля снова вздрагивает – так встряхивается мокрый пес, но и этого достаточно, чтобы он упал на колени. Мир съеживается до скрежещущих, движущихся ледяных пластов. Он лежит ничком, тяжело дыша, и ждет нового треска, эхо которого покажется ему хрустом ломающихся костей. Это будет последнее, что он услышит, прежде чем море поглотит его.

Льдины застывают. Мир перестает содрогаться. Наступает тишина.

Он встает на колени, и двое его спутников делают то же самое.

Они обмениваются вопросительными взглядами, и он кивает. Лед стонет. Внизу струятся потаенные темные воды.

– Быстрее! – кричит кто-то с берега. – Еще раз тряхнет – и вы погибли!

Он со вздохом запускает пальцы в волосы.

– Лучше покуда его не трогать, – говорит один из мужчин, высокий и черноглазый, словно вытесанный из той же подвижной вулканической породы, что и сама земля.

Второй, белокожий и рыжеволосый, как кельт, согласно кивает.

– До весны. Света будет больше, и лед растает.

Почесав бороду, он качает головой.

– Мы должны... я должен вытащить его сейчас.

Высокий хмурится, и глаза его от этого чернеют еще больше.

– Возвращайтесь, – говорит он. – Опасная это затея.

Но теперь качают головой оба его спутника.

– Мы идем с тобой, – тихо говорит высокий.

С берега за ними по-прежнему наблюдают – всего-то десять человек, но они так взволнованно перешептываются, что кажутся целой толпой. Они сгрудились тесными кучками, бормочут что-то друг другу, прикрывая рты рукавицами. Их слова поднимаются в морозный воздух серыми облачками звуков, сгустками ядовитых испарений.

Трое мужчин почти уже добрались до открытой воды, лед хрустит у них под подошвами. Он поднимает руку. Все замирают.

Он ложится на живот и подползает к краю. От чавкающей внизу черной глотки моря его отделяет слой льда не толще ладони. Впереди на волнах покачивается обернутая белым саваном фигура. Застывшие пальцы призывно машут ему.

Лед скрежещет зубами.

Он с размаху всаживает в саван косу и торжествует: лезвие зацепилось за ткань. Он тянет. Труп подплывает ближе, бледные пальцы колышутся перед самым его лицом. Он вздрагивает. Материя трещит, и коса срывается. Труп ускользает.

– Брось это, – шипит черноволосый.

Он снова замахивается. Окаменевшие мышцы ломит, рука дрожит от усилий. Он с силой выбрасывает косу вперед, и ее острие насквозь пропарывает саван. Он морщится, будто холодный металл пронзил его самого, закрывает глаза, делает глубокий вдох и наносит еще удар. Лезвие погружается в плоть.

Оба спутника держат его, пока он вытаскивает из воды тело. Что-то темное медленно выходит на поверхность и плюхается на лед.

– Прости, – хрипит он.

Они тащат тяжелую ношу по замерзшему морю обратно на сушу.

Он старается не смотреть вниз, не видеть волочащуюся по льду и шуге мертвую руку – так дети загибают пальчиками снег, чтобы метнуть в кого-нибудь снежок. Дым из соседских труб расчерчивает морозный воздух черными каракулями, и облачка дыхания взволнованных сельчан белеют на фоне мрачных рунических письмен.

Когда трое мужчин приближаются к берегу, толпа бросается им навстречу и окружает их, словно алчные стервятники, что оттесняют своих сородичей, стремясь первыми наброситься на нежданное угощение.

Часть первая

*Долго надо испытывать человека, прежде чем судить о нем.
Исландская пословица из «Саги о Греттире»¹*

Роуса

Скаульхольт, август 1686 года

Роуса сидит в *badstofa* дома, который отныне принадлежит им с матерью. Колючие порывы ветра проникают в щели меж дерновой стеной и крохотным окошком, в которое вставлена белая овечья кожа, очищенная от шерсти и растянута так сильно, что сделалась тоньше и прозрачней дорогой бумаги из Дании.

Ветер треплет платье Роусы, и она ежится от холода, но все равно придвигается ближе к щели, чтобы поймать угасающий свет, и накидывает на плечи платок.

Она окунает перо в драгоценную чернильницу.

Привет тебе, Йоун Эйрихссон.

Муж мой, я прошу твоего снисхождения и надеюсь, что ты поймешь меня. Сегодня прибыл твой помощник, Пьетюр; он передал мне три шерстяных платья, щедрый подарок от тебя, и наказал мне отправиться в Стиккисхоульмюр. Я хочу стать тебе послушной женой, но, увы, не могу приехать

Роуса останавливается, закусывает губу и плотнее кутается в платок. Затем она вычеркивает *не могу приехать* и пишет *не приеду*. Она так сильно нажимает на перо дрожащей рукой, что оно ломается, и брызги чернил разлетаются по всему листу.

Глаза щиплет. Роуса вздыхает с досадой, комкает бумагу и швыряет на пол.

– А ну-ка подними, – хриплым голосом велит ей мать, лежащая в постели напротив. – Разве мы богаче Ньёрда², чтобы попусту тратить хорошую бумагу и чернила? – Грудь ее сотрясает приступ хриплого кашля.

– Прости, мама. – Роуса стискивает зубы и улыбается, потом подбирает бумагу и разглаживает ее на коленях. – Я не могу придумать... – Губы ее морщатся, и она прикусывает щеку изнутри.

Мать улыбается.

– Ты волнуешься, оно и понятно. И муж твой об этом догадается, что бы ты ни написала. Помню, когда я выходила за твоего отца...

Роуса молча кивает, чувствуя комок в горле.

Улыбка Сигридор гаснет. Она похлопывает по кровати рядом с собой.

– Ты на себя не похожа. Садись-ка. Вот так. Что стряслось?

Роуса открывает рот, но не находит в себе сил объяснить, какой панический ужас испытывает при мысли о том, что придется уехать из родного села и жить с этим чужаком, которого она теперь должна называть мужем. Она даже не может представить его лицо, одни лишь

---

¹ Цитата из сокращенного перевода О. Петерсон и Е. Балобановой. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Ньёрд – скандинавский бог ветра и моря, обладающий огромными богатствами.

руки – сильные, загорелые. Она представляет, как эти руки налегают на весла или сворачивают куриную шею.

Вдруг Сигридюр стискивает пальцы Роусы.

– А ну прекрати!

На мгновение Роуса теряется, недоумевая, как мать сумела прочесть ее мысли. Потом она опускает взгляд на собственные руки и понимает, что, сама того не сознавая, чертила на ладони *vegvísir*.

– Никаких рун! – шипит Сигридюр.

Роуса кивает и сжимает кулаки.

– Знаю.

– Знает она! Запомни хорошенько. Твой муж не таков, как твой пабби³. Он не станет притворяться, будто не замечает, что творится у него под носом. Ты должна читать ему только строчки из Библии да псалмы. Никаких рун. Никаких саг. Понимаешь?

– Я не дурочка, мама, – шепчет Роуса.

Лицо Сигридюр смягчается, и она гладит Роусу по щеке.

– Не тревожься. Если его молитвы тебе наскучат, дождись, пока он уснет, потом огрей его по голове Библией и выволоки на мороз, а сама запрись в доме.

Роуса невольно улыбается.

Сигридюр фыркает и прибавляет:

– То-то будет угощение для *huldufólk*.

Роуса возводит глаза к потолку.

– Прошу тебя, мама. Даже шутить так нельзя – ты сама говорила.

– Полно. Никто не слышит. – Сигридюр ненадолго умолкает, и глаза ее вспыхивают. – К тому же *huldufólk* больше любит есть детей.

– Мама!

Сигридюр покорно поднимает руки.

– Это смех сквозь слезы, душенька моя. Ты теперь мужняя жена. – Губы ее кривятся. – И муж твой живет так далеко.

Роуса подавляет вновь накатившую волну ужаса.

– Подумай, мама. Новый дерн на крышу, большая печь. Торф для растопки – он горит куда лучше сухого навоза. А как придут корабли из Копенгагена, Йоун купит тебе древесины. Только представь – стены, обшитые деревом. Меха вместо домотканого сукна. Зимой ты не будешь мерзнуть. И хворь мало-помалу отступит.

– Спору нет, пабби научил тебя говорить складно. И все для того, чтобы ты стала женой рыбака. Ты себя губишь.

– Он не просто рыбак.

– Да, он *bóndi* – не то положение, чтобы сетовать на судьбу. Я знаю, что он выращивает ячмень и с датчанами торговлю ведет. Я, как и ты, слыхала его слова. Картину он нарисовал – просто загляденье. Но люди толкуют...

– Это слухи, мама, и мы не станем им верить.

– Говорят, первая жена Йоуна...

– Бабы сплетни. – Роуса и сама слышит, что отвечает слишком резко, но это отвлекает ее от покалывания в ладонях и ступнях, которое начинается всякий раз, стоит ей представить себя наедине с этим человеком. Три ночи назад ей приснилось, что на нее навалился новоиспеченный муж, только с головой и лапами белого медведя. Он потянулся поцеловать ее, но вместо этого разинул пасть и заревел. Ее так замутило от гнилостного смрада его дыхания, что она проснулась. Она испугалась, что это дурное предзнаменование, и раз за разом пыталась напи-

---

³ Папа (исл.).

сать Йоуну и отложить время своего отъезда в Стиккисхоульмюр. Но теперь, вслушиваясь в хрипы матери, она понимает, что поступила правильно. Иногда, закрывая глаза, она видит лицо не Йоуна, а другого мужчины – лицо, знакомое ей лучше собственного. Рука тянется убрать волосы с ее лба. Но она отгоняет и это воспоминание и продолжает: – Мы не станем больше говорить о первой жене Йоуна. Это завистники запугать меня хотят. Ты сама так сказала.

Сигридюр медленно кивает, глядя на посиневшие от холода ладони.

– Но Стиккисхоульмюр в четырех днях езды отсюда. Земли там суровые, особенно после прошлогодней лютой зимы. Говорят, есть в море такие льдины, что не тают уже целый год. И почему он *на тебя-то* польстился?

– Хорошо же ты обо мне думаешь, мама. Перестань, а не то я так раздуюсь от самодовольства, что в дверь не пройду.

– Будет тебе! – улыбается Сигридюр. – Для меня ты лучше всех, но... Почему он не выбрал девушку из своей деревни?

Роуса и сама с беспокойством думала об этом, но сейчас она тянется к матери и сжимает ее холодные пальцы.

– Передо мной невозможно устоять.

Сигридюр печально улыбается.

– Твой пабби знал бы, что делать.

– Мне тоже его не хватает.

Роуса обнимает ее, закрывает глаза и вдыхает кислый запах шерсти и пота, который напоминает ей детство.

Отец Роусы, Магнус, епископ Скаульхольта, умер почти два месяца тому назад. Все началось с резей в животе, но уже через месяц его так разнесло, словно он носил под сердцем ребенка.

В селе, разумеется, поговаривали, что это наверняка дело рук какой-нибудь ведьмы, затаившей на него злобу после того, как он наложил запрет на руны и заклинания, хотя все прежние епископы в открытую читали саги наравне с Библией. Сплетников Магнус презирал: он осудил их в одной из проповедей и пригрозил отлучением от церкви. Это заставило людей умолкнуть, но болезнь, пожирающую его тело, остановить не могло. Перед летним солнцеворотом Магнус умер, не оставив жене и дочери почти никаких средств к существованию. Роскошный дом со стеклянными окнами и обшитыми деревом стенами он давно продал, а вырученные деньги истратил на нужды церкви. Он предпочел жить, как и его паства, в маленьком и тесном деревенском домишке.

Богатства услаждают плоть, но губят душу. Лучше жить скромно, как Христос.

Пока он был жив, сельчане проявляли щедрость, и в придачу к еженедельной десятинае все семейство получало столько эля и баранины, что даже создавалось впечатление достатка. Однако после смерти пабби Роуса очень быстро поняла, что они в отчаянном положении.

Вскоре ее мама начала кашлять, и при каждом вдохе в ней что-то клокотало, словно воздух, поднимающийся со дна болота. По ночам Роуса лежала в *badstofa* и слушала, как в груди Сигридюр булькает жидкость. Она помнила, что рассказывал ей пабби о четырех гуморах: если легкие наполнятся водой, человек захлебнется.

Роуса видела, как мать хрипит и чахнет, как недуг иссушает ее, превращая в старуху с землистой кожей и запавшими глазами. Для себя она уже ни о чем не мечтала, и вся ее жизнь была отныне подчинена одной-единственной цели: не дать маме умереть.

В первое воскресенье июля, спустя месяц после смерти Магнуса, Роуса отправилась в церковь помолиться, чтобы Бог указал ей путь. Тем утром они с мамой доели почти все остатки *skyr*, но попрошайничать было ниже их достоинства.

По дороге в церковь она увидела Маргрет, которая чертила палкой какие-то линии на земле возле дома. Заслышав шаги Роусы, она обернулась и торопливо стерла башмаком нарисованное.

– Просто строчка из Библии, – сказала она, поморщившись и сердито выпятив подбородок, и заправила выбившиеся седые пряди обратно под поношенный чепец.

– И какая же? – не удержалась Роуса. Всем было известно, что Маргрет не знает грамоты и завидует Роусе, которая умеет читать и писать. Разумеется, она чертила руны.

– Одна из Десяти заповедей, – отрезала Маргрет. – В картинках. Полно тебе ухмыляться, Роуса. Я видела этого твоего воздыхателя.

– Моего воздыхателя? – Роуса ощутила, как жар приливает к ее щекам.

– Не прикидывайся дурачком. Паудль твой в воскресенье дерн ковыряет вместо того, чтоб в церковь идти. Тебе стоит держать его в узде, ежели хочешь, чтобы из него вышел хороший муж.

– Так найди девушку, которая за него замуж собирается, и выскажи все это ей. Быть может, Маргрет, ты как раз ее отыщешь, когда отправишься в церковь вместо того, чтобы *картинки* рисовать у себя под дверью.

Ответа Маргрет Роуса дожидаться не стала и поспешила дальше. По пути она озиралась по сторонам в поисках Паудля, но его не было. Не оказалось его и в числе нескольких десятков прихожан, которые сперва обернулись к ней, а потом отвели глаза, перешептываясь, когда она вошла в церковь.

Внутри было душно: поприветствовать нового епископа, Олава Гюннарссона, собралась целая толпа. Люди беспокойно заерзали, когда он заговорил.

Вдруг он произнес имя Роусы, дочери великого епископа Магнуса, поманил ее к себе, и она послушно подошла к деревянной кафедре, чувствуя, что все взгляды обратились на нее. Должно быть, оценивают, насколько она исхудала. Наконец епископ отпустил ее, и она тут же поспешила к скамье и перевела дух только после того, как две сотни глаз перестали следить за ней.

Но, подняв голову, Роуса почувствовала, что кто-то по-прежнему разглядывает ее. Она посмотрела налево и увидела незнакомца – а ведь в этом селе она знала по имени каждого.

Это был рослый и крепкий мужчина с такими мускулистыми руками, что рукава рубахи едва ли не трещали по швам. Он был смугл – по-видимому, проводил большую часть времени на солнце. Роусе не удавалось прочесть выражение его лица, частично скрытого густой бородой.

Она опустила глаза, а когда снова подняла взгляд, он все еще смотрел на нее.

Незнакомец поспешил уйти, как только кончилась служба. Роусе даже не пришлось спрашивать, кто он таков, потому что все только о нем и говорили. Это был Йоун Эйрихссон, зажиточный рыбак, торговец, хуторянин из Стиккисхоульмюра, весьма влиятельный человек, всего добившийся своим трудом. После смерти местного *bóndi* он взял на себя его обязанности, и поскольку церкви в этом маленьком селении не было, то различные тяжбы и церковные вопросы отныне рассматривались у него на хуторе. Он отправился на юг купить корову и остановился в селе Роусы. Его обсуждали на все лады, и церковь Скаульхольта гудела и бурлила.

Седая борода старика Снорри Скумссона подрагивала от возбуждения. Он склонился так близко к Роусе, что она могла разглядеть паутинки красных прожилок на его носу.

– Он говорит, будто пришел сюда посмотреть на нового епископа Олава и выразить ему свое почтение, но нас не проведешь. – Снорри хихикнул. – У него жена померла, вот он и подыскивает ей замену. Люди только об этом и судачат. Мы все видели, как он смотрел на тебя, Роуса. Уж теперь, после смерти твоего пабби, ты при церкви не останешься. Оно и к лучшему. Грамотная женщина – тьфу что такое!

Роуса отпрянула. Не выдает ли внутреннюю гниль этот гнусный запах из его рта? Тем не менее она выдавила из себя улыбку.

– Твои дочери куда старше меня. Быть может, тебе стоит пристроить кого-нибудь из них.

Снорри так и разинул рот, а Роуса сделала книксен, выбежала на улицу и пустилась вниз по склону прежде, чем он успел ответить. Мама бы гордилась ею. Пабби – не слишком.

Она снова окинула взглядом поля и холмы, высматривая знакомый силуэт Паудля, но его нигде не было видно. Остальные сельчане потянулись по домам. Кое-кто, проходя мимо, здоровался с Роусой и тут же, повернувшись к соседям, начинал шептаться с ними. Роуса стискивала зубы и заставляла себя поздороваться. С тех пор, как умер пабби, все эти шепотки и сплетни постоянно преследовали ее. Иногда Роусе казалось, что она стоит голая в самой гуще снегопада, дрожа от холода, и все вокруг показывают на нее пальцем.

Подошла Хеди Лофтюрдоуттир и вложила в ладони Роусе пучок мха. Она была бледна, светло-голубые глаза бегали по сторонам.

– Для твоей мамы. Поможет от кашля.

Роуса кивнула и улыбнулась. Похоже, некоторые люди по-прежнему испытывают к ней сострадание. Она открыла было рот, чтобы поблагодарить Хеди, но та уже убежала, низко опустив голову, будто Роуса могла заразить ее какой-то страшной хворью.

Небо над головой походило на широко раскрытое голубое око. Ближе к полуночи оно бледнело, и солнце уходило за край горизонта, а потом в одно мгновение выныривало снова, расплескивая слабый молочный свет.

Вдали распласталась над землей покатаая вершина Геклы. Она выплевывала в небо дым и пепел, а временами извергала черные камни и лаву, погребая под ними землю и людей на мили вокруг себя. Геклу издавна называли вратами в ад. Исландцы боялись ее, и многие предпочли бы умереть, чем поселиться поблизости. Однако Роуса и представить себе не могла жизни в другом месте.

Ведь тогда она была бы вынуждена расстаться с мамой. И с Паудлем.

Роуса стиснула в пальцах горстку земли и вдохнула запах черного мертвого пепла, день за днем обещавшего, что горы останутся здесь навсегда.

Было что-то успокаивающее в этой их строптивой непреклонности. Горы прогоняли мысли о призраках и духах. Прогоняли мысли об отъезде.

Два дня спустя к ним в дверь постучали. Роуса сразу поняла, кто это: в Скаульхольте никто никогда не стучался.

Она не стала ничего рассказывать маме ни о церковной службе, ни о широкоплечем незнакомце и теперь, услышав стук, застыла на месте.

Сигридюр пошевелилась, закашлялась и окинула дверь мрачным взглядом, как будто это дверь была виновата в том, что ее разбудили.

– Святые угодники! – пробурчала она. – Открой, Роуса.

Роуса притворилась, будто так увлеклась вязанием, что не слышала просьбы. Постучали еще раз. Она по-прежнему сидела неподвижно, пока мама, все еще кашляя, не махнула рукой в сторону двери.

Роуса вздохнула, отложила работу и отворила дверь. Поток света ослепил ее, и она только и сумела различить, что высокую широкоплечую фигуру.

– *Komdu sælar og blessaðar*, – сказал Йоун низким, грудным голосом.

Она заслонила глаза от света.

– *Komdu sæll og blessaður*.

Сигридюр из постели проворчала:

– Если это купцы, закрой дверь. Мы продали обеих коров и всех овец, которых можно было продать. Больше мне не от чего избавляться.

– Мама, это гость. *Мужчина*, – укоризненно прошипела Роуса. Она снова повернулась к стоящему на пороге и улыбнулась: – Извините нас. После смерти пабби мама недолюбливает чужаков. Вы Йоун Эйрихссон, *bóndi* Стиккисхоульмюра.

Гость неловко склонил голову, и Роуса сочла это за поклон.

– Он самый. Позвольте войти?

Под темными усами блеснули белые зубы, и лицо его смягчилось.

Сердце Роусы гулко стучало, но она снова улыбнулась в ответ.

Сигридюр поджала губы и попыталась сесть на постели.

– Не обессудьте. Мой муж умер несколько месяцев назад, и...

– Соболезную вашей утрате.

Сигридюр коротко кивнула.

– Говорят, и ваша жена тоже умерла.

Он вздохнул.

– Два месяца тому назад.

– Всего лишь? Я слышала, будто вы схоронили ее ночью, а уже наутро отправились рыба-чить. Что жена померла, что собака сдохла.

– *Мама!* – ахнула Роуса.

– Так и есть. Только погляди на него.

Йоун сложил ладони в молитвенном жесте.

– Я похоронил ее один, это правда. Я не... – Он вздохнул, поскреб бороду. Лицо его было обветренным, в уголках рта пролегли глубокие складки, взгляд вдруг потемнел, словно захлопнули дверь. – Моей жене внезапно сделалось худо. Меня это... ошеломило. Она родом из-под Тингведлира, и в моем селении у нее было мало друзей.

Роуса вскинула руку.

– Я прошу прощения. Мама все еще скорбит, и... Боль потери остра, мы ощущаем ее каждый день.

Она указала на просевшую дерновую крышу и проломившиеся балки – древесину для починки можно было приобрести только у заезжих купцов. Из вежливости Йоун не стал откровенно разглядывать эти признаки бедности, но сочувственно кивнул.

– Вы не обязаны оправдываться, – продолжала Роуса. – Все согрешили и лишены славы Божией⁴.

– Верно. – Лицо его просветлело, и голос потеплел.

Сигридюр фыркнула. Когда Магнус был жив, она вела себя сдержанней, но после его смерти перестала заботиться о том, что о ней подумают.

Однако Йоуна, казалось, это ничуть не задело. Он тяжело вздохнул.

– У меня, как и у всех, есть враги, которым только дай посплетничать. Но я оплакивал жену, поверьте. Мне горько, что я не сумел помочь ей.

Тут даже у Сигридюр хватило такта придержать язык.

Йоун повернулся к Роусе.

– Я слышал, епископ Магнус был человек добродетельный. Достойный глава достойного семейства.

Сигридюр снова нахмурилась.

– Как видите.

Повисло тяжелое молчание.

Сигридюр не сводила глаз с лица Йоуна.

– Роуса, – бросила она, – принеси-ка гостю еды и питья.

---

⁴ Рим. 3:23.

Роуса отодвинула штору из воловьей кожи и прошла в чулан. Отсюда все по-прежнему было слышно. Голос Сигридюор зазвучал так резко, что она вздрогнула.

– Вам стоило к Маргрет наведаться. У нее и овцы, и дочери есть. Уж она-то не откажется выменять кого-нибудь из них на пару локтей домотканого сукна или на мешок сушеной рыбы весом со свой товар.

Роуса зачерпнула и плюхнула на тарелку немного *skyr*, налила две кружки эля и поспешила обратно в *badstofa*.

Губы Сигридюор были сжаты.

– Я устала. – Она кивнула на дверь. – Спасибо, что зашли к нам. *Bless*.

Йоун поклонился.

– *Bless*. Извините за беспокойство.

Он повернулся к двери.

Роуса бросила на Сигридюор свирепый взгляд.

– Вы уже уходите? У нас есть *skyr* и эль...

– Благодарю, но нет. *Bless*.

Он склонил голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, и исчез за дверью.

Роуса мигом обернулась к матери.

– Что это на тебя нашло?

– Ты не корова, чтоб за тебя торговаться. – Сигридюор сощурила глаза. – Тебе, упрямице, и дела нет, о чем люди толкуют, но стоит прислушаться к голосу рассудка, если хочешь дожить до преклонных лет. Говорят, он отрубил руку купцу, который его обманул. И одного из тамошних крестьян сожгли за колдовство по его приказу. А его жена...

– Его жена умерла от лихорадки, мама. Все прочее – слухи.

– Только дитя неразумное не заметит, что этот человек носит в себе тьму. – Сигридюор откинулась на постель и закашлялась. – У него это на лице написано. Не успела умереть его прежняя жена, а он уже подыскивает новую.

Внутренний голос Роусы нашептывал ей то же самое, но она опустила на колени и взяла мамины руки в свои.

– Он достойный жених.

– Вздор. Твой ум пропадет впустую. О сочинениях своих подумай. И к тому же, – Сигридюор ухмыльнулась, – ты и сама слишком своенравна для жены.

– Я постараюсь его слушаться. И замужество не мешает мне читать и писать. – Голос Роусы дрогнул при мысли о спрятанных под тюфяком обрывках пергамента с набросками ее собственной саги, немного похожей на «Сагу о людях из Лососьей долины», но только ее героиня не станет ни убивать, ни умирать за любовь. Разумеется, муж не воспротивится, если она будет время от времени писать. Даже Магнус, презиравший все обычаи старины, поднимал на смех тех, кто считал, будто выдумывать истории или слагать стихи – все равно что ворожить. Кроме того, он считал своим долгом научить читать и писать дочь, раз уж сына у него нет, и не обращал внимания на то, как перешептываются сельчане, когда видят Роусу с пером и пергаментом.

Сигридюор погладила Роусу по волосам.

– Ох, святая простота. Гореть тебе на костре, если он увидит, что ты что-то сочиняешь. Да и притом, когда все хозяйство на тебе, успеваешь разве что поспать да поесть. И я тебя больше не увижу. Нет. Даже слышать ничего не желаю. Ты остаешься дома.

– Йоун богат...

– Одд из «Саги о Союзниках» тоже был богат, – пробормотала Сигридюор. – Вот только беда шла за ним по пятам.

Сигридюру уредила Роусу, что замужеству не бывать: Йоун слишком стар для нее, слишком странен, живет слишком далеко, да и жен меняет как плащи.

Однако в конце лета выпал ранний снег и дохнуло холодом. По вечерам мать и дочь ежились у огня, жгли драгоценные сальные свечи, чтобы согреться, и чинили одежду, которая и без того была сплошь в заплатках. Голод скребся у них в животе и рвал когтями внутренности. Зима снова обещала быть суровой.

Когда кашель Сигридюру усилился, а при каждом вдохе казалось, что в груди у нее булькает трясина, Роусе начали сниться кошмары, в которых ее мама то задыхалась среди ночи, то умирала от голода, то замерзала насмерть. Сны эти больше походили на предзнаменования.

Роуса отыскала широкий плоский камень и, начертив на нем вытасченной из очага обугленной веткой защитный символ *vegvisir*, сунула его под мамин соломенный тюфяк. Магия гальдрастава⁵ проявлялась только в том случае, если нарисовать его кровью на лбу, но Роуса не хотела сплетен и поэтому спрятала камень, надеясь, что он уберезет Сигридюру от беды.

Впрочем, Роуса прекрасно понимала, что спасти мать может только она сама: в тепле и сытости Сигридюру быстро выздоровеет.

Но стоило ей вообразить себе лицо Йоуна, и она вздрагивала.

В конце концов она решилась, и подтолкнул ее к этому пабби Паудля, Бьяртюр.

Паудль, сын маминого двоюродного брата, был закадычным другом Роусы с раннего детства. Самые первые ее воспоминания связаны с тем, как они с Паудлем затевали схватки в высокой траве и как он швырял в нее снежками. Став постарше, они растягивались бок о бок на склоне холма и лежали на животе, купаясь в солнечном свете. Его глаза, его мысли, самый его запах она знала так же хорошо, как свои собственные.

Когда им минуло по шестнадцать весен, они стали видеться чаще. Роуса убегала из дому ранним утром и возвращалась поздно. Они то и дело гуляли вдвоем за холмом, укрывшись от зорких глаз сельчан.

Магнус все суровой и суровой отчитывал Роусу за долгие прогулки с Паудлем:

– Это неподобающе. Вы больше не дети.

– Ты видишь дурное там, где его нет, – твердила Роуса, когда он не желал сменить гнев на милость.

– А ты рушишь все надежды выдать тебя за достойного человека! – бушевал Магнус. – Пустоголовая девчонка! Будто не знаешь, как люди сплетни распускают.

– Ну и пусть! Только глупец поверит, что в нашей дружбе с Паудлем есть что-то дурное. Глупец, у которого одни мерзости на уме!

Роуса буквально выплюнула ругательство, и Магнус отступил назад, развернулся и направился к двери. На пороге он остановился и, не поворачиваясь к ней, отчеканил очень тихим голосом:

– Многие отцы избивали бы дочерей и за меньшее. Вспомни эти слова, когда в другой раз назовешь меня глупцом.

Всю ночь Роуса то всхлипывала, то впадала в ярость, и Сигридюру никак не могла ее успокоить.

На следующее утро она поднялась рано и, по обыкновению, выскользнула из дома, чтобы встретиться с Паудлем. Она была страшно зла на Магнуса, но все же сказала:

– Отныне мы должны видеться реже.

– Что?

– Пабби говорит, что... – Она выдернула травинку с корнем. – Мне нужно проводить больше времени в одиночестве.

---

⁵ Гальдрастав – магический знак, состоящий из переплетенных рун.

– И что же ты будешь делать? – Паудль посадил кляксу на пергамент и ругнулся себе под нос. Роуса легонько пнула его носком ноги.

– Он говорит... – Она спрятала лицо в ладонях. – Говорит, что мне надлежит готовиться к замужеству.

– К замужеству? – Паудль выпрямился, недоуменно улыбаясь, будто она пошутила. – Но ведь старый Снорри Скумссон такой завидный жених, что тебе его в мужа не заполучить.

Роуса хихикнула, но смешок этот прозвучал как всхлип.

Улыбка Паудля померкла.

– Стало быть, я должен видаться с тобой реже, потому что ты замуж выходишь?

Роуса кивнула.

– За кого-нибудь из... Я даже не знаю откуда. Пабби говорит... Он считает, что я должна найти себе достойного мужа. Влиятельного.

Паудль растерянно моргнул, и у Роусы внезапно пересохло во рту.

– Ты прямо как Гудрун из «Саги о людях из Лососьей долины». Мужчины будут биться насмерть, чтобы завоевать твою любовь, – сказал он наконец и щелкнул пером, так что брызги чернил полетели ей в лицо.

Роуса вытерла их и мазнула перепачканным пальцем по его щеке.

– Не трать чернила впустую, болтун!

Паудль заулыбался.

– Я тебя рассмешил, а значит, не впустую.

Больше о замужестве они не говорили, и спустя некоторое время Роуса уснула, прикрыв лицо рукой. Проснулась она оттого, что ей щекотали живот. Она потянулась туда, чтобы смахнуть докучливое насекомое, и пальцы ее наткнулись на обнаженную кожу. Пока она спала, платье задралось, и теперь ее живот был весь испещрен буквами, которые вывел на нем Паудль.

Роуса села.

– Ты что творишь? – вскрикнула она. – И как мне, по-твоему, все это смыть?

– Я... я не знаю. – Покрасневший Паудль не решался встретиться с ней взглядом. – Твое платье завернулось, и я думал, что ты посмеешься, а потом... Ты просто... И я не мог... – Он отвернулся.

Она с улыбкой наклонилась к нему.

– Болван. Намочи рубаху в ручье, чтобы я стерла ею чернила. Вот так и заплатишься за то, что разрисовал меня: будешь ходить в холодной мокрой одежде.

Она ждала, что он засмеется, но он поднялся, не глядя на нее, и чуть погодя возвратился в мокрой рубахе.

Она сощурилась.

– И? Я ведь не могу с тебя ее сорвать.

Он сглотнул, медленно поднял руки и стянул рубаху.

Роуса уставилась на него. В последний раз она видела его без одежды прошлым летом, когда они плавали вместе, и тогда его руки, грудь и живот почти не отличались от ее собственных: гладкие, совсем детские. Теперь же он раздался в груди, а торфа накопал и перетаскал так много, что под кожей проступили твердые мускулы.

Паудль протянул ей мокрую рубаху, и она вдруг обнаружила, что не в силах взять ее.

– Держи, – пробормотал он.

Роуса мотнула головой: отмоется как-нибудь потом, а ему лучше одеться. Но он, должно быть, неправильно понял ее, потому что закрыл глаза, сделал вдох, опустил подле нее на колени и принялся вытирать ее живот рубахой.

От холодного прикосновения Роуса дернулась и ахнула.

– Больно? Мне перестать? – Он взглянул на нее. Лицо его было в высшей степени серьезно, голубые глаза – глубоки и непроницаемы.

Она покачала головой, легла на спину и закрыла глаза.

Он бережно стирал буквы с ее живота, одну за другой, за мокрой тканью тянулся ледяной след, и от холода кожа покрывалась мурашками. Наконец, когда солнце скатилось по небу вниз, а Роуса начала дрожать, Паудль остановился.

– Все, – прошептал он. И не успела она шевельнуться, как он склонился над ней и коснулся губами ее пупка. Роусу окатило жаром. Она ахнула и подпрыгнула.

Паудль вздрогнул, будто она отвесила ему пощечину.

– Извини, я не должен был...

– Нет! Я не то вовсе...

– Извини, Роуса. Пожалуйста, прости меня.

Пока она подбирала слова, чтобы объяснить ему, что не нужно просить прощения, что она хотела бы повторить все еще раз, Паудль уже вскочил на ноги и поспешил отойти подальше, словно боясь обжечься.

Весь остаток лета он дичился ее, как чужую. Он почти всегда отводил взгляд, а если она с ним заговаривала, невнятно хмыкал в ответ. Когда Сигриджор спросила, что стряслось, Роуса не знала, что ответить. Прежде видеться с Паудлем было все равно что смотреть на родные и милые сердцу горы, окружающие ее дом. Теперь же встречаться с ним глазами было все равно что заглядывать в разверстую пасть Геклы. При виде него все тело ее пылало.

От Магнуса их размолвка тоже не ускользнула. Он улыбнулся и потрепал Роусу по макушке, как ребенка.

– Умница. С ним у тебя нет будущего.

Роуса изумленно вскинула брови, и Магнус продолжал:

– Негоже епископской дочке за крестьянским сыном бегать. – Он засмеялся. – Я растил тебя для лучшей доли. Ты будешь женой какому-нибудь крепкому *bóndi*. Может статься, уедешь с ним на север, в Хоулар. А то и в Копенгаген.

– Я хочу остаться здесь, – не задумываясь, выпалила Роуса. – В Скаульхольте. Я хочу помогать тебе в церкви.

Магнус снова рассмеялся, но Роуса упорствовала, и в конце концов он согласился, что ей нет нужды выходить замуж и можно остаться дома.

После смерти Магнуса Паудль стал захаживать к ним чаще, робко предлагая то вяленой баранины, то сухого навоза для растопки. Мало-помалу он снова начал улыбаться Роусе и поддразнивать ее. Постепенно меж ними установились прежние дружеские отношения, и Роуса наконец могла смотреть на Паудля, как раньше, и встречаться с ним взглядом без страха.

Однажды он притащил огромную глыбу торфа, которую, должно быть, раздобыл у торговца, хоть Роуса и не могла взять в толк, как ему это удалось.

Когда она задала ему этот вопрос, он самодовольно ухмыльнулся.

– Поверь, лучше тебе не знать.

– Ты *украл* его? Тогда забирай.

Она толкнула было глыбу обратно к нему, но он легонько сжал ее запястья одной рукой и засмеялся:

– Он нужен твоей маме.

Она перестала сопротивляться, но рук из его хватки не вырвала.

– Я не стану топить дом краденым торфом.

– Топить будет твоя мама. И я его не крал. – Улыбаясь, он взял ее ладони в свои и стиснул их. – Этот жадный пройдоха запросил за него десять буханок хлеба. Я их принес, на том мы и поладили.

– Но... – Она пыталась не замечать собственный трепет от его прикосновения. – Где ты раздобыл столько муки, чтобы испечь десять буханок?

Паудль усмехнулся.

– Для такого человека ничего не жалко. Хлебными корками он набьет собственное брюхо, а в середине каждой буханки найдет доброго сена для своих лошадей.

– Паудль! – Она рассмеялась. Торговец наверняка получил по заслугам, а благодаря торфу воздух в доме станет суше, и мамин кашель пройдет.

Паудль продолжал носить им еду и торф. Мало-помалу Роуса начала надеяться, что будущее у них с Паудлем все-таки есть. Может статься, они вдвоем помогут маме пережить зиму, а потом, с приходом весеннего тепла, она выздоровеет.

По ночам, когда темнота укутывала дом, Роуса лежала в постели и снова и снова вспоминала прикосновение губ Паудля, близость их тел, его тепло.

Однажды, собирая на холме голубику, она услышала за спиной хлюпающие шаги. Она сказала, не оборачиваясь:

– Ягод мало, Паудль. Возвращайся домой и помоги своему пабби. Он разозлится, когда узнает, что ты от работы отлыниваешь.

– Я уже давным-давно злюсь, только сыну до этого и дела нет.

Роуса так и ахнула.

– Бьяртюр! *Bless*.

Она склонила голову в знак приветствия, надеясь, что он пойдет дальше, однако он остался стоять на месте, сложив руки на груди.

– Слепнешь, если будешь так смотреть, – сказала наконец Роуса.

Бьяртюр нахмурился.

– Прикуси язык, Роуса. И оставь моего сына в покое.

– Доброго дня, Бьяртюр. Вот бы и дальше стояла такая же хорошая погода.

Уголки его губ приподнялись.

– Заносчива, как всегда. Ты губишь Паудля.

– Я ему скажу...

– Ты скажешь ему, чтобы он держался от тебя подальше.

– Он взрослый мужчина и волен сам распоряжаться собой.

– Увы, это не так. Им распоряжаешься *ты*. Скажи ему держаться от тебя подальше.

– Ты не можешь приказать мне...

– Могу и прикажу. Ты строптива и себялюбива, и тебе слишком долго позволяли творить все, что заблагорассудится. Уже и слухи по всему селу ходят, что ты моего сына приворожила. Я могу подтвердить, что это суцкая правда. Пускай люди твой дом обыщут, авось найдут руны и прочие сочинения.

Роуса заставила себя посмотреть в глаза Бьяртыю, который не сводил с нее свирепого взгляда.

– Ты не посмеешь... – Однако голос ее дрогнул.

Бьяртюр шагнул ей навстречу. Все в ней кипело, но она держалась стойко.

– Ты хоть видела, как Паудль нынче выглядит? – прорычал он. – Видела?

Роуса удивленно уставилась на него.

– Ты хочешь...

– Мальчишка совсем иссох. Отощал, как древко метлы.

– Я... – Роуса опустила глаза. – Я не заметила.

– Куда там, – ехидно процедил Бьяртюр. – Ты была слишком занята собой и даже не заподозрила, что мой сын голодает, чтобы ты могла набить себе брюхо.

– Я... Я скажу ему, что он должен есть и отдыхать.

– Скажи ему, что он должен держаться от тебя подальше. Ты его погубишь.

Роуса заклинала небо, чтобы Бьяртюр ушел, но он приблизился еще на шаг. От него несло горьким дерном и кислым потом.

– *Bóndi* из Стиккисхоульмюра подыскивает себе жену. Ему и строй глазки.

Роуса раскрыла рот от изумления.

Бьяртюр воздел руки к небу.

– Он богат. Он будет слать твоим родичам деньги и провизию.

Превозмогая дрожь в ногах, Роуса выпрямилась.

– Я не глупа, дядюшка. Твой корыстный расчет...

– Ты могла бы всем нам помочь, Роуса. Зима будет суровой, и многие умрут. – Он прочистил горло и сплюнул на землю. – Подумай об этом.

Он развернулся и побрел вниз по холму. В его сутулых плечах и хромающей походке Роусе почудился призрак Паудля – того, каким он может стать. Если выживет.

Йоун провел в Скаульхольте около трех недель – торговал кое-где в окрестностях, присматривался. Присматривался он ко всему. Многие сельчане – большей частью те, у кого были дочери на выданье, – зазывали его к себе на постой, однако он отказал им и, несмотря на ночной холод, расположился прямо на улице, на склоне холма.

Каждый день, спускаясь к речке за водой, Роуса проходила мимо него. Она не улыбалась, не махала ему рукой и не хихикала, как прочие девушки, а шла с опущенной головой. Под его взглядом по ее коже пробегал холодок.

Снова и снова она припоминала предостережение Бьяртюра. Возможно, он был прав. Возможно, ей надо выйти за этого богача, и так будет лучше для всех. Ну нет! С какой стати ей идти за чужака? С какой стати расставаться со всем, что ей дорого?

Как-то ночью Сигридюр зашла в таком страшном приступе кашля, что ее платок окрасили алые брызги, и тогда Роуса поняла: все решилось само собой.

Наутро, увидев Йоуна, бредущего к церкви через поля, она сделала глубокий вдох, окликнула его и ускорила шаг, чтобы поравняться с ним.

Йоун остановился и повернулся к ней.

– Зима снова обещает быть лютой.

Она поглядела на траву. Под ледяным взглядом его голубых глаз все внутри нее сжималось. Не то чтобы это был страх – и все же она беспокойно переминалась с ноги на ногу.

– Ты, должно быть, скучаешь по пабби. Он был добрым человеком.

– Благодарю вас. Это правда. Вы знали его?

– Мне довелось однажды повстречать его на альтинге. Он был очень набожен и радел о своей пастве. Епископы бывают жадные, но твой пабби был скромн.

Роуса кивнула.

– Полагаю, он гордился бы своей дочерью.

Она пересилила себя и ничего не ответила. Женщинам надлежит молчать и повиноваться мужчинам.

Он улыбнулся и, сощурившись, посмотрел на нее.

– Ты сама смиренность, Роуса Магнусдоуттир.

Она кожей чувствовала его взгляд. Роуса поймала себя на том, что рассматривает его руки: толстые веревки вен, сильные пальцы. Она вздрогнула и стиснула шерстяную юбку.

– Нравится ли тебе быть покорной? – тихим голосом спросил Йоун.

Она тщательно взвесила каждое слово:

– Гордыня – это грех. Господь сказал: не гордись⁶.

Он сделал шаг ей навстречу.

– Ты славная женщина.

---

⁶ Рим. 11:20.

Тело его источало жар, и Роуса поежилась, но превозмогла себя и с улыбкой взглянула ему в глаза. Они двинулись дальше, и по дороге Йоун так красноречиво описывал красоты Стиккисхоульмюра, что под конец на губах у нее почти ощущался привкус соли, а в ушах раздавались крики тупиков. Время от времени она учтиво выражала восхищение. Мама говорила, что мужчины нуждаются в обожании.

Он держался с ней все более непринужденно и с улыбкой перечислял свои богатства: белье у него изо льна, хлеба и мяса в избытке, а кухня и *badstofa* целыми днями щедро отапливаются торфом.

– У меня есть все, о чем только можно мечтать, – сказал он. – И все бы хорошо, только мне одиноко. В Библии сказано, что женщина была создана для мужчины, *кость от костей моих и плоть от плоти моей*⁷.

Синева его глаз была непроницаема. Его ладонь скользнула по щеке Роусы, потом легла ей на плечо, горячая и тяжелая.

У Роусы перехватило дыхание.

Йоун спрятал ее руку в своих ладонях, посмотрел на ее запястье.

– До чего хрупкие косточки. Слово у птички. – Он переплел ее пальцы со своими. – Я окружу тебя заботой, Роуса. Слышишь меня?

Глядя на него широко раскрытыми глазами, она кивнула.

– Я стану посылать съестные припасы твоим родичам в Скаульхольт. – Он стиснул ее ладонь. Она невольно охнула. Он склонился к ее уху и прошептал: – Соглашайся.

Она вздохнула и закрыла глаза. Тьма внутри нее широко распахнула пасть, но Роуса решила не думать об этом и растянула губы в улыбке.

Сигридюр, разумеется, пришла в ярость.

– Пабби выпестовал твой ум, выучил тебя чтению. И теперь тыпустишь его труды по ветру и проведешь всю жизнь в тяжких хлопотах? Станешь поддерживать огонь в очаге и выколачивать белье, покуда не надорвешься? Уж коли тебе непременно хочется замуж, так выходи за епископа.

Роуса вздернула подбородок.

– Так будет лучше. У тебя будет мясо и...

Сигридюр вздохнула с присвистом.

– Ты уедешь слишком далеко. И жених твой холоден.

– Будет тебе, мама. Он хороший человек. – Чем чаще Роуса повторяла это, тем больше сама в это верила.

– Выбери себе кого-нибудь помоложе. Из Скаульхольта.

Роуса невольно подумала об улыбке Паудля и о поцелуе, от которого все ее тело вспыхнуло огнем. Внезапно ей вспомнилось, как он двенадцатилетним мальчиком бегал за ней вдогонку. Она тогда споткнулась, и он тоже грохнулся наземь, хохоча. Она повернулась к нему, и ей показалось, что ее собственный смех вырывается из его груди, а его – слетает с ее губ. Теперь это воспоминание пронзило ее, и на мгновение у нее перехватило дух.

Но разве может камень в бурной реке противиться несущему его потоку?

В следующий раз, завидев Йоуна, Роуса опустила глаза и кротко улыбнулась. Разговор меж ними шел о Писании, а когда он сказал, что женщинам надлежит молчать в церкви, она кивнула. То и дело она осыпала его похвалами.

Они сидели на берегу реки, и он приобнимал ее за плечи. Должно быть, он чувствовал, как колотится ее сердце, – так сильно сотрясалось все ее тело. Когда они поднялись, Роуса бросила взгляд на свое отражение в воде: рядом с исполинской фигурой Йоуна она казалась

---

⁷ Быт. 2:23.

тоньше тени и была бледна, как привидение. Водная гладь сморщилась, и очертания Роусы исчезли, будто что-то поглотило ее.

Понадобилась целая неделя молчаливых свирепых переглядываний и урчания в животе, да еще очаг, который затухал каждую ночь за недостатком торфа для растопки, чтобы Сигри-дюр нехотя дала согласие на брак. Когда Роуса просила ее благословения, в глазах у нее щипало и колени дрожали.

Явился Йоун, чтобы поблагодарить Сигридюр и сообщить, что после свадьбы он намеревается отправиться на запад, в Стиккисхоульмиур. В сентябре в реках полным-полно сельди, пришла пора заготовливать сено, и к тому же ему надо возвращаться к своим обязанностям *bóndi*: кормить сельчан и разрешать их споры.

– Извини меня, Роуса. Хозяйство и люди требуют моего присутствия. – Губы его сжались в тонкую черточку, и он стиснул пальцы Роусы.

Она слотнула.

– Разумеется. Вы большой человек.

Лицо Йоуна разгладилось.

– Я пришлю за тобой своего помощника. Он позаботится о тебе в путешествии. – И он ласково провел пальцем по ее ладони.

Ей пришлось собрать все силы, чтобы не отдернуть руку. Вот ее будущее – непреклонный человек-гора с суровым лицом, с руками, которые могут стереть в порошок. Она кивнула, не в силах даже вдохнуть: в груди словно застрял зазубренный камень.

Роуса застала Паудля за работой: он укладывал кирпичики дерна на крыше. Она попробовала взглянуть на него так, будто видит впервые, и отметила, что, несмотря на худобу и изможденный вид парня, плечи его раздались, а руки бугрятся мускулами.

Она закрыла глаза и медленно выдохнула.

Паудль обернулся, когда Роуса его окликнула, но не стал спускаться.

– Слышал, ты замуж выходишь, – бесцветным голосом сказал он, хмуро глядя на нее. – Желаю счастья.

– Я хотела тебе рассказать...

– Это не мое дело. Выходи, коли хочется.

Он повернулся к ней спиной и яростно рассек кусок дерна, чтобы придать ему нужную форму. Волосы его блестели на солнце, золотясь рыжиной. Когда у него только начинала отрастать борода, она дергала рыжеватые волоски и называла его *Vestmaður* – ирландец. Он смеялся, обдавая ее руку теплом своего дыхания.

– Ты не спустишься?

– Мне нужно с крышей закончить.

– Я... Я все объясню.

– Нечего тут объяснять. Разве что... – На одно страшное мгновение голос Паудля дрогнул, и он стиснул зубы. Потом откашлялся и сухо договорил: – Я-то думал, ты собиралась при церкви остаться. Здесь.

– Я... – Она вздохнула. – Извини, я...

– Довольно. – Когда их взгляды встретились, глаза его были все равно что два голубых ледника зимой.

Повисло долгое молчание, и наконец она развернулась и пошла прочь.

Вслед ей донеслось напряженное кряхтение Паудля, который перетаскивал пласты дернины.

Свадьба состоялась в первый день сентября, в желтушном предвечернем свете. В темной церкви столпилась большая часть жителей Скаульхольта. Они вытягивали шеи и переговаривались вполголоса.

Роуса ежилась под гнетом их суровых взглядов и тихих слов и глубже зарывала руки в складки платья, которое подарил ей Йоун: белый лен, расшитый нитью красного шелка. Когда солнечные лучи падали на шелковые узоры, Роуса вся пламенела. В правый карман мама положила ей деревянный крестик, некогда принадлежавший Магнусу; в левом же лежал камень, который она вложила в руку дочери с утра.

Увидев начертанный на нем символ, Роуса нахмурилась.

– *Ginfaxi?*

– Отвага в бою, – улыбнулась Сигридюр. – И победа в схватке.

Теперь, чувствуя на себе взгляды сельчан, Роуса сжимала крест и камень с такой силой, что болели пальцы. В ушах стучала кровь, но обрывки сплетен все равно доносились до ее слуха. Она разобрала слово «колдовство» и едва удержалась от того, чтобы не закатить глаза. Люди и сами отнюдь не брезговали рунами, но от зависти были весьма не прочь обвинить в ворожбе Роусу и Сигридюр. О Йоуне они тоже шептались. До Роусы донеслось «первая жена», а затем неодобрительное цоканье и приглушенное хихиканье.

По спине Роусы проползла капелька пота.

Если Йоун и слышал эти перешептывания, то не подавал виду. Он стоял бок о бок со своим помощником, Пьетюром, которого Роуса прежде не видела.

Пьетюр оказался тоньше и смуглее Йоуна. Кожа его была бронзовой, как бок опустевшего кошелька пабби, сшитого из оленьей шкуры. Он казался безмятежным, но в нем чувствовалось напряжение сжатой пружины, и Роусе вспомнились картинки с волками из книг о далеких землях на востоке. Глаза его были карими, но в скудном свете рыжеватых лучей, просачивающихся сквозь крохотные высокие окошки – дорогое стекло, привезенное из Дании, – блестели янтарем. Пьетюр впился взглядом в Роусу, и она затаила дыхание. Затем уголки его губ поползли вверх, и лицо смягчилось.

Сигридюр слегка толкнула дочь локтем.

– Говорят, он аульв⁸.

– А еще говорят, что если женщина сочинительством занимается, то она ведьма, – прошептала в ответ Роуса.

– Ребенком его в горах нашли. Точно он из-под земли вырос. Очень даже может быть, с этими-то черными волосами и эдакими глазами.

Роуса отважилась слегка улыбнуться.

– Будь он аульвом, уже похитил бы детей и был таков.

Однако в словах матери была правда: Пьетюр с его смуглой кожей и резкими чертами столь мало походил на исландцев, которых Роусе доводилось встречать, что будто бы и впрямь был рожден из самой вулканической почвы.

Сигридюр вздохнула с присвистом.

– Аульв не аульв, но собой хорош. Вот кого стоило бы взять в мужа.

– Для замужества ты старовата, мама.

Сигридюр фыркнула.

Роуса перевела взгляд на Йоуна. Он улыбнулся ей, и глаза цвета серого сланца превратились в небесно-голубые. Она почувствовала, как слабеет железная рука, стиснувшая ей грудь.

Еще до начала церемонии, войдя в церковь, Роуса принялась высматривать светлорыжую шевелюру Паудля. Она-то надеялась, что он ей улыбнется, но даже если и нет, даже

---

⁸ *Аульвы* (эльфы) – живущие в холмах и скалах представители «скрытого народа», внешне похожие на людей, но обладающие магической силой и огромным коварством.

если взглянет хмуро, само его присутствие приободрит ее. Однако он не явился вовсе, и ей показалось, что ее ударили. Она потеряла его. Потеряла навсегда.

Превозмогая боль, она прижала ладони к животу и заставила себя сделать вдох. Выпрямила спину, усилием растянула губы в вымученной улыбке. Шею ее обвивал кожаный шнурок, на котором болталась крохотная стеклянная подвеска – свадебный подарок от Йоуна, который он вручил ей с утра. Это была холодная, как лед, и безупречно исполненная фигурка женщины – миниатюрные ручки сложены, взгляд робко и задумчиво потуплен. Роуса так и ахнула: стекло считалось дорогим и редким материалом, и прежде у нее не было безделушек, единственное предназначение которых – служить украшением.

– Я ее у датского купца приобрел, – сказал Йоун. – Красивая, хрупкая, скромная. – Он легко коснулся щеки Роусы. Прикосновение обожгло ее. – Совсем как ты.

Женщина, сотворенная из стекла и покоя. Она прелестна, но ее так легко разбить.

Роуса до боли стиснула ее в кулаке. Позже она обнаружила, что стеклянная фигурка оставила на ее ладони багровый отпечаток.

Голос епископа в сумрачной духоте церкви звучал глухо, воздух был тяжелым от дыхания множества людей и от тепла их тел.

Когда новобрачных благословили, Йоун взглянул на Роусу и потянулся было к ней, словно намереваясь снова погладить ее по щеке, но остановился и опустил руку.

Роуса медленно выдохнула и только тогда поняла, что все это время стояла, затаив дыхание.

Днем он отправился обратно в Стиккисхоульмюр, отказавшись не только от свадебного пира, но даже от брачной ночи; впрочем, Роуса была только рада, что ей не придется впервые делить ложе с мужем под храп спящей напротив мамы.

Увезти Роусу в ее новую жизнь предстояло Пьетюру, вернувшемуся через три недели.

Скаульхольт, сентябрь 1686 года

Уже поздно, но еще не стемнело. Наутро они с Пьетюром будут держать путь на северо-запад; наутро Роуса станет другим человеком. Ей вспоминается «Сага об Эйрике Рыжем», героиня которой, Гудрид, тоже отправилась в чужие края и обнаружила, что всех ее спутников поразил свирепый недуг, а на ее странствиях лежит печать смерти. И тогда Гудрид отыскала прорицательницу, и они вдвоем спели вардлок⁹, чтобы защитить себя.

Роуса возится в чулане, укладывая в дорогу белье, и шепчет в надежде уберечься от беды:

*Солнце не ведало,
где его дом,
звезды не ведали,
где им сиять,
месяц не ведал
мощи своей¹⁰.*

Она неуклюже подхватывает кипу белья, и все падает на пол. Руки ее дрожат.

Когда она возвращается в *badstofa*, Сигридюр, выпившая чересчур много *brennivín*, негромко похрапывает в постели. Пьетюр греет руки у огня. Он всматривается в Роусу, и глаза его в сгущающихся сумерках приобретают цвет темной бронзы. Сперва ей чудится, что он за

---

⁹ Вардлок – песня-заклинание, необходимая для ворожбы.

¹⁰ Отрывок из «Прорицания вэльвы». Пер. А. И. Корсуна.

что-то на нее сердит, но потом она замечает, что взгляд его устремлен на женщину из стекла, болтающуюся у нее на шее на кожаном шнурке. Быть может, ему не по душе трата денег на такие пустяки. Роуса прячет фигурку в вырез платья.

Пьетюр поднимает брови и отворачивается к огню.

– Видала ты когда-нибудь море? – спрашивает он.

– Нет. Как думаешь, понравится оно мне?

Его улыбка кажется насмешливой, словно что-то в Роусе его забавляет.

– Кому-то оно по душе, кому-то нет. Впрочем, как по мне, Йоун выбрал тебя вовсе не за умение работать веслами.

Смешавшись, Роуса переводит взгляд на огонь. Она не столь наивна: ей известно, чего ждут от женщин мужчины.

В наступившей тишине Роуса разглаживает юбки изо льна и шелка – еще один подарок Йоуна.

– Надо думать, семья скучает по тебе, когда ты уезжаешь торговать. – И тут она вспоминает мамин рассказ: Пьетюра ребенком нашли на склоне холма. Краска стыда разливается по ее шее. – Я хотела сказать...

– У меня нет семьи.

Она смотрит на собственные колени. Лен царапает кожу.

– Мне жаль.

– Не стоит меня жалеть, – говорит Пьетюр. – Йоун заменил мне семью.

– Ты называешь его Йоуном?

– А должен звать господином? – Он вглядывается в ее лицо; она изучает собственные руки. – Когда сражаешься с морем не на жизнь, а на смерть, одни лишь волны тебе господа.

– Ты веришь в... духов моря?

– Есть вещи, которых нам не понять.

Пьетюр кочергой ворошит торф в очаге. Рыжие всполохи пробегают по его лицу, и на мгновение оно приобретает устрашающие черты. Роуса видела недавно, как он, наклонившись к реке, ловко пронзил форель острой.

Он склоняется к ней.

– Люди болтают, будто бы я родился среди *huldufólk*.

Острые скулы, темные глаза – и впрямь точь-в-точь ухмыляющийся аульв.

Он хохочет, и Роуса вздрагивает.

– Суеверия противны Богу, – отвечает она. Ее ладони мокры от пота. В кармане юбки лежит камень с гальдраставом, который дала ей мама, и она чувствует сквозь ткань его тепло.

Пьетюр насмешливо вскидывает бровь.

– До чего ты набожна, Роуса! Ты бы покорила даже моего дорогого пабби.

– Твоего дорогого *пабби*? – Он же сказал, что у него нет семьи.

Пьетюр склоняется ближе. От него исходит едкий, звериный запах пота.

– Я верю в то, во что верит каждый исландец, – говорит он. – Библия дает ответы на некоторые вопросы. Но не на все.

– А Йоун? – Роуса перестает дышать.

– И Йоун исландец. Однако ж правда крови не равна правде сердца. – Он впивается в Роусу взглядом, и она отводит глаза.

– А что *prestur*? Нравится ли ему мой муж?

– Эйидль-то? С ним лучше не знаться. Йоун тебе то же самое скажет. – Пьетюр угрюмо глядит в очаг.

Некоторое время они молчат, только потрескивает огонь да всхрапывает Сигридюр, и наконец Роуса спрашивает:

– Будет ли у меня служанка?

На миг она представляет девушку, похожую на нее саму, кареглазую, с волосами мышиного цвета.

Но Пьетюр качает головой.

– Дом не так велик, и помощь тебе не понадобится.

Образ девушки блекнет, и Роуса внезапно чувствует острое одиночество.

Пьетюр поднимает голову, и в свете огня его глаза сурово блестят.

– И вообще держись подальше от жителей Стиккисхоульмюра. Они только сплетничать и умеют.

Она открывает было рот, но наталкивается на его горящий взгляд и ничего не говорит.

Они пускаются в путь ранним утром. Небо давно уже залито бледным светом, но даже хуторяне еще спят, а коровы и овцы дремлют в полях.

Пьетюр держит стремя, пока Роуса взбирается на спину красивой каурой кобылы, до смешного лохматой из-за густой зимней шерсти. Роуса с детства не ездила верхом; она неуверенно чувствует себя в седле и крепко вцепляется в лошадиную гриву.

– Не волнуйся. – Пьетюр улыбается, видя, что она побаивается. – Это славная и выносливая кобыла. И не из пугливых. Сама увидишь, когда она перейдет на тельт.

Замешательство Роусы, должно быть, ясно читается на ее лице, потому что Пьетюр оживляется и весело посмеивается:

– Вот, погляди.

Он легко взбирается на свою мышастую кобылу и ударяет ее пятками в бока. Лошадь трогается с места, переходит на рысь, а затем на крупный шаг, высоко выбрасывая ноги, и поступь ее столь ровна, что Пьетюр сидит в седле как влитой.

Он описывает круг и, улыбаясь, возвращается к Роусе.

– Тельт. Лошадь может идти быстро и без усталости целый день. Попробуй.

Роуса прищипривает свою кобылу, и та пускается вперед ровным шагом, высоко вскидывая ноги. Вспомнив, как в детстве каталась на лошади торговца и тряслась в седле, словно мешок с мокрым тряпьем, Роуса смеется.

– Я будто лечу.

Пьетюр издает громкий клич – странный, нечеловеческий вопль – и бьет пятками свою лошадь, чтобы нагнать Роусу, но ее кобыла проворней. Она уже несется вверх по склону, и от ветра у всадницы наворачиваются слезы.

Из высокой травы перед нею вспархивают спугнутые птицы. Два ворона взмывают ввысь и с криками описывают круги в небе. По спине Роусы пробегает холодок: птицы-падальщики напоминают ей Хугина и Мунина, или Мысль и Память, – посланцев Одина, которые приносят ему вести от мертвых. Она гонит прочь эту мысль и понукает лошадь.

Только на вершине холма, натянув поводья, Роуса видит, что Скаульхольт раскинулся далеко внизу. Село осталось позади, а она даже не сразу это поняла. Их маленькая лачуга съезжилась до размеров ногтя и превратилась в коричневую кляксу на зеленом фоне. Где-то там, в одном из рассыпавшихся по полю домишек, вот-вот проснется Паудль. Почувствует ли он, что она уехала?

Над головой кружат и каркают вороны.

Лошадь Пьетюра останавливается рядом. Ожидая, что он станет насмехаться над ней, Роуса вытирает глаза рукавом и отворачивается.

– Можешь воротиться ненадолго, если хочешь, – мягко говорит он. – Я подожду.

Роуса качает головой.

– Я уже попрощалась. – Ей представляется Паудль, понуро ссутулившийся, как во время их последней встречи, но она гонит прочь мысли о нем. – Едем. – И, повернувшись к Скаульхольту спиной, она переводит взгляд на укутанные облаками горы впереди.

Пьетюр прищипривает свою кобылу.

– А ты сильней, чем кажешься, Роуса. *Eigi deilir litr kosti.*

Внешность бывает обманчива.

Она пропускает мимо ушей этот комплимент – или издевку? – и не отрываясь смотрит на серые тучи, клубящиеся в отдалении.

– Как звать мою лошадь?

– Хадльгерд. А мою – Скальм.

– Славные имена. В них есть сила.

– Имя многое говорит о том, кто его носит, Роуса.

Неужто он хочет ей польстить? Она ничуть не похожа на розу. «Пьетюр» означает «камень». Сперва ей показалось, что это имя – твердое, шершавое, неподатливое – очень идет к нему. Но ведь он только что смеялся, думает Роуса, он проявил участие к ее горю. Он прав: внешность бывает обманчива.

Она так погружена в свои мысли, что не замечает огромного камня прямо перед собой. Лошадь шарахается в сторону, чтобы не налететь на него, и сбрасывает Роусу на землю. Падать на мягкую траву не больно, но лицо обдаёт жаром, и Роуса поспешно поднимается на ноги.

– Ты не ушиблась? – Пьетюр отряхивает ее юбки.

– Нет, только... – Глаза щиплет от слез, и она с трудом сглатывает.

Пьетюр вытягивает запутавшийся в ее волосах стебель вереска.

– Здешние края не хотят тебя отпускать. Этот отважный стебелек пожертвовал собой, лишь бы ты не уезжала.

Она не выдерживает, смеется и утирает слезы.

– Возьми его с собой, – говорит он. – Он будет напоминать тебе, что нужно смотреть под ноги. Я всегда держу при себе нож, чтобы не забывать.

– Смотреть под ноги?

– Нет. Чтобы не забывать, что есть немало способов заткнуть рот болтливой женщине.

Сердце Роусы ухаёт вниз, и она пятится. Усмехнувшись, Пьетюр протягивает руку и помогает ей снова взобраться на лошадь. У него сильные ладони, и он крепко сжимает ее руку.

– Есть поверье, что упавшего ждет добрый путь.

– Ты говоришь словами из саг. Я и не... Я думала, что такому богобоязненному человеку, как Йоун, это не пришлось бы по вкусу.

Пьетюр устремляет на нее взгляд своих диковинных золотистых глаз.

– Йоун не одержим верой.

– Стало быть, он не противник обычаев старины?

– Разговоры – это одно, а колдовство – совсем другое. За такое полагается костер. – Лицо Пьетюра каменеет, он резко дергает поводья, и лошадь срывается в легкий галоп.

Глядя на растрескавшуюся глыбу, ставшую причиной ее падения, Роуса вдруг припоминает, что на этом самом месте после распри, произошедшей почти полтора века назад, были обезглавлены Йоун Арасон и двое его сыновей. Чтобы казнить Арасона, палачу потребовалось семь ударов топором. Роуса всматривается в черную землю под ногами: быть может, там, глубоко внизу, по-прежнему стучит живая кровь убитого.

Она шепчет молитву за упокой его души и сжимает лежащий в кармане камень с гальдраставом.

Через несколько дней после казни сторонники Арасона схватили палача и залили ему в глотку расплавленный свинец. Кровь за кровь.

В небе с криками кружат вороны, без усталости рыскающие в поисках мертвецов.

Остаток дня перед глазами Роусы плывут и сливаются воедино травы, клонящиеся от ветра, и горы, которые, ссутулившись под тяжестью снега, упорно цепляются за горизонт и с каждым шагом лошади меняют очертания.

Когда солнце достигает зенита, впереди разворачивается широкая долина. Трава становится гуще и сочнее, горы расступаются. Лошади бредут лениво, низко склонив головы и пощипывая зеленые стебли. Луга пронизаны паутиной ручейков. К небу тянется нагой каменный хребет вдесятеро выше человеческого роста, словно земля в битве сама с собой содрала с него кожу.

Пьетюр замечает замороженный взгляд Роусы.

– Древние люди верили, что земля здесь живая. Вздрогнет она – и все вокруг меняется. Это длится и поныне. Скалы то вздыбятся, то обрушатся. В разломах целые холмы исчезают.

– Целые холмы? Но как?

Он показывает на иззубренную скалистую челюсть.

– Когда земля шевелится, появляются трещины. В открывшейся ране, как кровь, кипит расплавленная порода и бушует огонь. Потом земля засыпает, но шрамы остаются.

– Где это мы?

– В Тингведлире. Здесь проходят народные собрания.

Роуса выдыхает в восхищении.

– Альтинг?

Стало быть, именно здесь оглашают законы; именно здесь мужчин и женщин судят, отправляют на костер и обезглавливают за то, что они ворожили, или читали руны, или насылали на других болезни.

В кармане у нее, как живое сердце, подрагивает камень.

Роуса ищет глазами черную прогалину – знак того, что на этом самом месте сжигали людей, но повсюду до самого горизонта простираются только луга, ручейки да каменистые взгорья, беззастенчиво полные жизни.

Она закрывает глаза: на мгновение ей явственно чудится донесшийся издали хриплый вопль. Нет, это всего лишь ворон, который умеет передразнивать любые голоса. Вот он – хлопает крыльями над головой, пронзительно крича, будто горящий заживо человек, а потом издает сдавленный клекот.

Роуса вдруг понимает, как она продрогла и устала.

– Может, остановимся, поедим?

Пьетюр качает головой и протягивает ей сушеную рыбу из мешка.

Роуса хочет воспротивиться: мол, у нее уже нет сил и тело ломит от долгой езды, но губы ее спутника складываются в упрямую линию, и она не решается возражать.

Когда она принимается за рыбу, на горизонте вырастает силуэт всадника на черной лошади. Пьетюр перегибается через холку своей лошади и, схватив поводья Хадльгерд, тянет ее к соседним березкам.

– У тебя усталый вид. Сюда, укроемся под деревьями.

– Укроемся от чего?

Пьетюр молчит. Сощурившись и сурово сжав губы, он вглядывается в даль.

Роуса не протестует. Ей надлежит быть кроткой и покорной.

Они едят в молчании, пока лошади щиплют траву. Роуса с изумлением разглядывает переплетающиеся над ними ветви. Березы лишь немногим выше ее.

– Я никогда прежде не видала столько деревьев.

Пьетюр прикладывает палец к ее губам и тихо шепчет:

– Йоун говорит, в других краях есть места, где растет много деревьев, и они зовутся лесами. Деревья там высоки, словно горы, и их ветви заслоняют свет. А под ними, на земле, вечная зима.

До Роусы доносится треск веток: это всадник проезжает мимо берез, за которыми они укрылись. Пьетюр выжидает, пока стук копыт не утихнет, и тогда лицо его смягчается.

– В Стиккисхоульмиуре говорят, что давным-давно, когда в Исландию приплыли викинги, здесь повсюду были густые леса, но их вырубил, и плодородную почву вымыло морем. Земля так и не оправилась от этой раны и людей не простила. Нынче всякий крестьянин вынужден работать от рассвета до заката, чтобы собрать хоть скудный урожай с безжизненных полей. А если он не выкажет благодарности и за это, земля поглотит его.

Роуса ежится. Склоны гор, тянущихся ввысь черными громадами, испещрены огромными вертикальными расщелинами, будто какой-то древний исполин оставил на них следы своего топора.

Стук копыт черной лошади тает вдали.

– Мы от него прятались, – шепчет Роуса.

– Отнюдь. Я сжалился над твоей женской слабостью.

– Ты... Я тебе не верю.

– Ложь – это смертный грех. Прикуси язык и не забывай, зачем я ношу с собой нож, – сунув глаза, невозмутимо отвечает он.

Для храбрости Роуса вцепляется в густую грязную гриву Хадльгерд.

– Не смей мне угрожать! Я все Йоуну расскажу. И разве ты католик, чтобы толковать о смертных грехах? Нельзя... – Увидев выражение его лица, она осекается. – Да ты смеешься надо мной!

Он вскидывает ладонь в знак извинения.

– Нет, вовсе не над тобой. Йоун не говорил мне, что у тебя такой крутой нрав. – Он склоняет голову набок, губы растягиваются в улыбке. – Он, поди, и сам еще не знает.

С этими словами Пьетюр прищипривает Скальм и пускает ее рысю.

Роуса бьет пятками по ребрам Хадльгерд, пока не оказывается рядом с Пьетюром, и бросает на него испепеляющий взгляд. Он снова смеется и подгоняет лошадь.

Вечереет, и тревога Роусы мало-помалу нарастает: Пьетюр явно не намерен останавливаться ни в одном из селений или хуторов, которые изредка попадаются им на пути. Более того, завидев огонек в густом сером сумраке близящейся ночи, он тут же сворачивает в сторону.

Голова Роусы свешивается на грудь, и она вздрагивает и просыпается.

– Мы что, будем спать в седле? – спрашивает она, не в силах больше превозмогать усталость, разливающуюся жгучей болью по всему телу.

– Изволь, можем остановиться.

– И ночевать на холоде?

– Нас согреют лошади, и у меня есть одеяла.

Конечно, он ее дразнит. Но лицо его в угасающем свете хранит обыкновенное суровое выражение.

– Есть ли тут неподалеку какое-нибудь селение?

Он качает головой.

– До ближайшего день езды к востоку.

Роуса делает вдох, чтобы справиться с подступающей паникой. Она не станет ночевать под открытым небом, потому что здесь водятся лисы и крысы, а мороз пронизывает до костей.

– Я хочу лечь в постель.

– Мы будем спать на улице.

Она повышает голос:

– Мне нужна постель!

Он хмурится и скупно кивает.

– Так и быть. Вон за тем холмом есть один хутор. Мы будем там до темноты.

– Что же ты раньше не сказал?

Когда они добираются до этого хутора, Пьетюр велит ей остановиться и ждать его шагах в тридцати, под молодыми березками. Он стучится в дверь. На пороге, шаркая, появляется старик. Они шепчутся о чем-то, потом хозяин кивает, и Пьетюр возвращается к Роусе.

- Мы будем спать в хлеву. Вместе с лошадьми.
- Со скотом? – звенящим голосом переспрашивает Роуса.
- Нет. Скот остается на улице, как полагалось бы и нам. В такую-то погоду.
- Ты попросил его постелить нам в доме?
- Мы спим в хлеву, Роуса. Ступай за мной.

Хозяин, наблюдавший за этой беседой, окликает какого-то Тоумаса, и Пьетюр возвращается к нему. Старик машет рукой в направлении *badstofa*, но Пьетюр качает головой и показывает на хлев с просевшей дерновой крышей. В конце концов старик кивает и исчезает в доме, но тут же снова появляется в дверях с двумя шерстяными одеялами. Пьетюр идет к хлеву, отворяет покосившуюся дверь и заводит внутрь лошадей.

- Роуса входит в пыльную темноту следом за ними.
- Хозяин пустил бы нас в дом. И он назвал тебя Тоумасом.
- Лошади могут спать на тюках сена. Мы ляжем у них под боком.
- Почему он назвал тебя Тоумасом? – Роуса морщит нос. – Вонь здесь нестерпимая.
- Иногда на хуторах на отшибе нет отхожего места.
- И люди ходят в *хлев*?
- Спи на улице, коли тебе так больше нравится.

Обе лошади, послушные воле Пьетюра, уже легли, а сам он накрылся одеялом и устроился под боком у Скальм. Повернувшись к Роусе спиной, он прячет лицо в лошадиной гриве, и голос его звучит приглушенно:

- Как развиднеется, сразу в путь, так что укладывайся где хочешь, только поторопись.

Роуса бросает на него сердитый взгляд, но он уже дышит ровно и глубоко. Она забирается под одеяло и кладет голову на теплую шею Хадльгерд. Та удовлетворенно скрипит зубами и шумно вздыхает.

Роуса напряженно лежит в темноте с открытыми глазами, и кровь стучит у нее в ушах. Пьетюр, по-видимому, уснул. Наконец она обхватывает себя руками и сворачивается калачиком. Она представляет себя камнем, комочком земли, но по-прежнему чувствует, что грудь ее вздымается и опадает с каждым вдохом, что кости ее совсем хрупки, а рядом спит лживая и злобная нечисть в человеческом обличье.

- Роуса вспоминает, с какой легкостью он солгал хуторянину, как весело он смеялся.

Уже проваливаясь в вязкие глубины сна, она вспоминает кое-что еще: Анна, первая жена Йоуна, была родом из-под Тингведлира.

Под Тингведлиром, сентябрь 1686 года

Роусе снится Паудль. Он нежно дотрагивается до ее щеки. Она тянется к нему навстречу, но натывается на пелену колышущегося воздуха. Когда она поднимает глаза, перед ней уже не Паудль, а Йоун. Его рука сжимается вокруг ее горла и то сдавливает его, то ослабляет хватку, пропуская воздух в ее легкие и тут же преграждая ему путь. Роуса тщится разжать его пальцы, но могучая фигура Йоуна вдруг превращается в ледяное изваяние, в порождение голубых ледниковых недр. Его когтистые руки онемели от холода, борода заиндевела. Он с ревом склоняется к ней, корчась в языках пламени, и голос его походит на гулкие завывания ветра. Почернелые пальцы впиваются в ее плечо, и она кричит.

- Тише, Роуса, тише! – Пьетюр встряхивает ее, схватив за плечи. – Ты напугала лошадей и сейчас разбудишь хозяина.

Она садится на полу и трет глаза. Обе кобылы боязливо забились в угол. Ноздри их раздуты, мускулы под толстыми шкурами ходят ходуном.

Роусу трясет.

– Я кричала?

– А еще билась, визжала и извивалась у меня в руках, как рыба.

Должно быть, это его пальцы сжимали ее плечо во сне. Содрогнувшись, Роуса поспешно выскальзывает на улицу. Студеный воздух обжигает руки и лицо – знак того, что надвигаются колючие зимние морозы. Она присаживается по нужде у задней стены: делать это прямо в хлеву омерзительно. Потом прислоняется головой к холодным доскам и ждет, пока не выровняется дыхание, чтобы возвратиться внутрь. *Это не предзнаменование, Роуса. Это всего лишь сон.*

Они продолжают путь в молчании. Голая земля щерится черными зубами, и лишь кое-где пробиваются корявые кустарники и жесткая пожелтелая трава. От неизбывной угрюмости пустошей у Роусы перехватывает дыхание. Горы нависают над горизонтом, будто грозные тучи. Древнее поверье гласит, что в каждой горе живет дух, и, может, именно поэтому, когда вокруг вырастают скалы, по спине у Роусы пробегает холодок. На нее устремлены тысячи взглядов, проникающих под кожу и впивающихся прямо в душу. Она мысленно повторяет заклинание, оберегающее ото зла, и шепотом читает «Отче наш». Пьетюр бросает на нее быстрый взгляд; выражения его темных глаз в меркнувшем свете не прочесть, и Роуса краснеет.

Ей хочется спросить, не кажется ли ему тоже, что за ним следят, но, присмотревшись к его лицу, она замечает, что игра медленно плывущих теней и желтоватого света меняет его черты: скулы заостряются, глаза западают. Он красив мрачной красотой, и слова замирают у нее на губах.

С наступлением сумерек угасающее небо приобретает оттенок потускневшей стали. Редкие березы тянутся к нему когтистыми ветвями. Если верить легенде, в корнях берез живет *huldufólk*, который обращает пожелтевшую листву в золото и соблазняет им алчных путешественников. Перед смертью несчастный только и успевает увидеть, как драгоценный металл снова становится ворохом листьев, а аулв тем временем, усевшись у него на груди, лакомится его душой.

Это назидание тем, кто жаден до денег. Почувствует ли она что-нибудь, думает Роуса, если существо из потустороннего мира начнет пожирать ее душу? Нет, выйти замуж за богача – это вовсе не то же самое, что продаться из жадности.

Чем больше миль пролегает между нею и Скаульхольтом, тем зыбче становится все кругом, как будто в здешних мрачных землях даже разум ее подергивается пленой.

К вечеру она вдруг замечает, что они едут в другую сторону, на северо-восток, к укрытому снегом горному хребту.

Ущелье смыкается вокруг них, словно кулак.

– Разве Стиккисхоульмюр не на западе?

– Мы ищем ночлег.

– Спасибо.

– Я это не ради тебя делаю, а ради себя. Сил больше нет выслушивать твои жалобы на стужу. – Пьетюр подмигивает, и Роуса заливается краской. – И потом, – продолжает он, – мы прибудем в Стиккисхоульмюр уже завтра, и ты должна выспаться. Негоже тебе усталой выглядеть. Йоуна лучше не сердить. Твоя забота – угождать ему.

Роуса отводит взгляд и смотрит на горы, а затем дотрагивается до шеи в том самом месте, где стеклянная фигурка холодит кожу. Иногда ей кажется, что кожаный шнурок душит ее.

– Это место зовется Мунодарнес. Мы будем проезжать четыре дома. – Пьетюр показывает на каменистую тропку, стелющуюся перед ними.

– Было бы... Спасибо.

Помолчав немного, он продолжает, настороженно глядя на нее:

– Лучше зови меня Тоумасом, пока мы не доберемся до Стиккисхоульмюра. Люди здесь большие охотники до сплетен.

Будет ли у нее сегодня ночью крыша над головой или нет – зависит от ее ответа.

– Хорошо, – сухо говорит она.

Когда солнце уже готово вот-вот нырнуть за горизонт, они добираются до крохотного селения – четыре дома, притиснутые друг к дружке, будто сжатые в кулак пальцы.

Пьетюр стучится в дверь ближайшего дома. Когда им открывают, Пьетюр кланяется и спрашивает, не будет ли хозяин так любезен пустить их с молодой женой переночевать. Они направляются на запад. Никак не думали, что путь окажется настолько далек, поясняет он с улыбкой.

Ложь, словно вода, так и льется с его губ. Внутри у Роусы все сжимается от нехорошего предчувствия. Однако хозяин, молодой паренек с плоским и бесхитростным крестьянским лицом, молчит и согласно кивает. Похоже, он простофиля.

Вдруг он спрашивает:

– Как твое имя?

– Тоумас Агнарссон, – без запинки отвечает Пьетюр.

– Ой ли? – Хозяин сощуривает глаза. – А выглядишь ты совсем как Пьетюр, работник Йоуна Эйрихссона. О нем тут постоянно судачат.

У Роусы кровь стынет в жилах. Этот человек уж точно не простофиля. В уголках его рта таится жестокая улыбка.

Пьетюр и бровью не поводит.

– Мало ли на свете похожих людей.

На плоском лице парня расплывается улыбка.

– Уж на тебя-то никто не похож. Ты не такой, как мы, и даже для датчанина чересчур смугл. *Huldufólk*, вот чьего ты роду-племени.

Губы Пьетюра кривятся в жесткой усмешке.

– Поосторожней. Суеверия приведут тебя на костер.

– Ты найденьш. Пускай *prestur* и взял тебя к себе как сына, но своего настоящего пабби ты не знаешь. С Эйидлем вы вовсе не родня. На вид ты чужеземец, как есть дикарь. Все здесь о тебе наслышаны, Пьетюр, и легко узнают тебя при встрече. С чего это ты чужим именем назвался?

– Поумерь свое любопытство, – с угрозой в голосе отрезает Пьетюр.

Хозяин потирает ладони.

– Стало быть, тут замешана Анна Олавсдоуттир? Я слышал, нехорошо с ней дело кончилось. Скверная история. – Его широкое лицо ожесточается, и ухмылка обнажает мелкие и острые, словно у крысы, зубы. – Скажешь, это *болезнь* ее унесла? – Он издевательски гогочет, и по окрестным холмам прокатывается эхо.

У Роусы сжимается горло.

– Заночуем в другом месте. – Пьетюр разворачивается и идет прочь.

Однако плосколицый с развязным видом следует за ним.

– Так это его новая жена? Только погляди – глазищи перепуганные, что твоя овечка. Она еще не знает, за кого замуж вышла. – И, хохотнув, он кричит Роусе: – Уноси ноги, пока не поздно!

Пьетюр хватает его за горло и швыряет спиной о стену. Парень пытается высвободиться, но Пьетюр выхватывает из-за пояса нож и неторопливо приставляет острие к прыгающему кадыку.

– Сдается мне, твое лицо не мешало бы перекрыть, – рычит он. – Рот у тебя великоват, уши маловаты, а нос чересчур длинен. Немудрено, что ты суешь его не в свое дело. Ну так я тебе помогу.

Хозяин часто сглатывает, дергая кадыком.

– Не укоротить ли тебе нос? – шипит Пьетюр, поднося нож к его лицу. – А глаза тебе не мешают? – Нож застывает на волосок от его левого зрачка. – А может, тебя беспокоит горло? – Острие упирается в бьющуюся на тощей шее жилку. – Меня вот беспокоит. Слишком уж ты горласт.

– Я... Я не хотел... – Парень бросает отчаянный взгляд на остолбеневшую от ужаса Роусу. – Извините меня, госпожа. Вы, без сомнения, будете счастливы в браке. Я...

– Тихо! – стальным голосом обрывает его Пьетюр. – И заруби себе на носу: *engi er allheimskr ef þegja má*.

Тот еще не совсем дурак, кто умеет молчать¹¹.

Плосколицый нечленораздельно повторяет свои извинения. Пьетюр выпускает его, и он, спотыкаясь, кашляя и потирая шею, исчезает за дверью.

Пьетюр убирает нож обратно за пояс и хватает Роусу за руку.

– Идем. А ну как у него братья есть? И соседи, поди, все слышали.

– Но ведь темно...

– К черту! Уходим. – Он тащит ее за руку прочь от селения и силком усаживает в седло.

Лошади берут в галоп, и Роуса, оглянувшись через плечо на отблески огня в окнах домов, переводит глаза на Пьетюра, чье лицо теперь переменялось: подбородок выдается вперед, как суровые скалы Тингведлира.

Роуса вцепляется в гриву своей лошади и, щурясь, всматривается в бесконечную черную пустоту впереди. У нее такое чувство, будто она вот-вот сорвется с обрыва.

---

¹¹ Цитаты из «Саги о Греттире» здесь и далее даются в пер. О. А. Смирницкой.

Часть вторая

*Правду говорят, что никто сам себе не творец.
Исландская поговорка из «Саги о Греттире»*

Роуса

Стиккисхоульмюр, сентябрь 1686 года

На следующее утро Роуса и Пьетюр добираются до Стиккисхоульмюра.

Пьетюр настоял на том, чтобы ехать всю ночь напролет, и Роуса вконец обессиела. Он отказался останавливаться на привал и не стал объяснять, что имел в виду плосколицый хозяин. Этот издевательский смех никак не шел у Роусы из головы. *Анна умерла не от болезни? А Пьетюр – сын Эйidla?*

В конце концов Роуса прижалась щекой к шее Хадльгерд и, убаюканная ее мерным шагом, забылась беспокойным сном. Ей снился безглазый человек с перерезанным кровотокающим горлом и овцы, которые, вытянув тонкие белые шеи, кладут головы на колоды для рубки мяса.

Ее будит дразнящий ноздри едкий запах соли.

– Где мы?

– Дома.

Они поднялись на холм, и теперь их глазам предстает крошечный далекий мир у его подножия, будто они, как древние боги, взирают на землю с небес. Позади простирается лавовое поле. Некогда раскаленные докрасна потоки застыли пузырями, почернели и густо обросли мхом, но создается впечатление, что они продолжают бурлить и зыбиться, словно земля потонула в кипящем зеленом море. Возвышающийся над полем заснеженный череп горы обращает к небу раскрытый зев, царапая зубами донышки облаков и дыша на них студеным воздухом. Из разверстых челюстей лениво струится тонкий дымок.

Пьетюр кивает в сторону горы.

– Драпюхлидарфьядль. Не бойся. Он только грозитя. Иногда он дымит больше, иногда меньше, но тем все и кончается. А мы сейчас стоим на склоне Хельгафедля. О нем говорится в...

– «Саге о людях из Лососьей долины». Стало быть, Гудрун, дочь Освивра...

– Похоронена у подножия горы. Мы еще увидим ее могилу.

Роусу охватывает волнение: в детстве она с благоговейным восторгом читала об этой сильной женщине, которая выходила замуж четыре раза и побуждала мужчин убивать друг друга во имя любви к ней.

– Есть поверье, что если от могилы Гудрун подняться на Хельгафедль, ни разу не обернувшись и не проронив ни слова, то исполнятся три твоих желания.

– Но ведь *prestur* наверняка запрещает подобные суеверия?

Пьетюр смеряет ее взглядом своих золотых глаз.

– *Prestur* их не одобряет. – На слове *prestur* уголки его губ изгибаются. – Однако в старинных присказках что-то есть.

– Я ему об этом не скажу.

– Ты с ним вовсе разговаривать не должна.

Неужто он думает, что в крохотном селении, не насчитывающем и тридцати душ, можно не разговаривать с *prestur*?

– Ты его недолюбливаешь? Но тот человек из Мунодарнеса сказал...

– Что Эйидль – мой пабби? – Он сжимает губы. – Я и вправду жил в его доме, но не стал бы так его называть.

– Но если он тебя воспитывал, почему же...

– Снова пытаешься что-нибудь выведать? Любопытному дитяти пальчики обожгло.

Роуса окунает пальцы в гриву Хадльгерд. Женщинам нельзя говорить то, что у них на уме. Библия велит им быть молчаливыми, смиренными и почтительными. Она не героиня саги. Не Гудрун, дочь Освивра.

– Я... Извини меня.

Пьетюр скупо кивает и понукает свою кобылу.

– Йоун ждет нас.

Лошади начинают с осторожностью спускаться по склону, и Роуса оборачивается. Стиккисхоульмур, окаймленный горами, будто лежит у них в горсти, и горы эти не то защищают селение, не то укрывают его от любопытных глаз. Тут и там зелень перемежается каменными проплетинами – это кости земли, выскобленные досуха годами чрезмерно рьяного возделывания полей и вырубки лесов. Это ее голый серый остов бесстыдно выступает на поверхность.

Земля плавно перетекает в узкую черную полоску прибрежного песка, а потом в изрытый морщинами морской простор, который Роуса еще не успела рассмотреть – настолько ее ослепила дикая красота пейзажа. У берега море тускло-синее, а в отдалении становится дымчато-зеркальным. Повсюду на его поверхности виднеются тысячи островов, словно какой-то взбалмошный трётль¹² бросал в воду камни.

Подъехав ближе, Роуса замечает то, на что не обратила внимания прежде: несколько зеленых холмиков вдоль побережья – по крайней мере, с десятков – оказываются крышами дерновых домов, так крепко прилепившихся к склонам, что кажется, будто они выросли из-под земли. Дома побольше размером, чем в Скаульхольте; они горбятся, ежатся и держатся поодиночке. Роуса привыкла, что в ее родном селе люди живут бок о бок, а когда не хватает досок, у соседей и вовсе бывает общая стена.

– Дома здесь разбросаны по всей долине.

Пьетюр кивает.

– Мы зарываемся поглубже в холмы. Зимой метель полностью отрезает нас друг от дружки. Каждый дом – как остров посреди моря.

Роусе становится дурно при мысли о том, что ей придется остаться наедине с Йоуном, совсем чужим человеком, и Пьетюром, который скрывает свое настоящее имя и угрожает людям приставленным к горлу ножом.

Пьетюр устремляется к самому большому дому, который стоит особняком в пятидесяти лошадиных корпусах вверх по склону. Еще в сотне шагов от него расположился просторный крытый дерном хлев, а совсем рядом – от двери камнем докинуть – виднеются несколько маленьких построек. Дом обращен к морю. За ним протекает ручеек, где Роусе предстоит стирать и набирать воду для готовки. В Скаульхольте, чтобы постирать белье, приходилось ходить к самой Хвитау или Тунге.

Когда они сворачивают на тропинку, ведущую к дому, кто-то окликает их сзади. Роуса видит человека в черном таларе¹³, машущего им обеими руками. Его худощавое лицо бледно, как рыбе брюхо. Он догоняет их, широко шагая и постукивая по земле палкой.

---

¹² *Трётль* (тролль) – персонаж исландского фольклора, горный дух.

¹³ *Талар* – одеяние католического и протестантского духовенства.

– Стой на месте и молчи, – шепчет Пьетюр.

Роуса кивает и опускает глаза. Похожий на скелет незнакомец останавливается подле лошади Пьетюра и хватается за уздечку костлявой клешней. По его черному талару Роуса догадывается, что это *prestur*.

– Новая жена? – Голос его сух и скрипуч.

– Как видишь, – ровным, будто клинок, тоном отзывается Пьетюр.

Старик пристально рассматривает Роусу. Она упорно не сводит глаз с гривы Хадльгерд и зарывается в нее пальцами.

– Худая, – говорит он. – Зиму-то протянет?

– Протянет, если только ты ее ядом своим не отравишь, Эйидль.

– Попридержи язык, когда говоришь со мной, мальчишка, иначе пожалеешь...

Пьетюр заливается лающим смехом.

– Когда говорю *с тобой*? Да ты, никак, уже считаешь себя *bóndi*?

Эйидль поворачивается к Роусе. Глаза у него налиты кровью, словно он пьян, но голос при этом ясный и трезвый.

– Остерегайся, женщина. Твой муж только кажется человеком добродетельным, а на деле он сущий дьявол. А Анна была...

Но Пьетюр не дает ему договорить: его кобыла, понукаемая пинком под ребра, сбивает Эйидля с ног, и тот растягивается на земле. Пьетюр хватается за поводья Роусы, и обе лошади срываются в легкий галоп. Эйидль кричит им вслед. Слов на ветру не разобрать, но понятно, что он в ярости.

Когда крики стихают вдали, Пьетюр останавливает лошадей. Он тяжело дышит, будто после бега. Сердце Роусы колотится в горле.

– Он... Он что-то говорил об Анне. Что...

Пьетюр перегибается через шею лошади, хватается за руку и притягивает так близко к себе, что она чувствует запах его пота и видит, как дико вспыхивают его глаза.

– Не спрашивай об Анне. Ни меня, ни других, ни уж тем более Йоуна. Он человек хороший, уверяю тебя. Все это досужие сплетни.

– Я... Я постараюсь.

Пьетюр стискивает ее ладонь. У Роусы перехватывает дыхание. Потом он поворачивает лошадь, и они продолжают путь к уединенному дому, беззащитно съездившемуся на вершине холма.

Йоун ждет на улице – надо думать, заметил их издалека. На нем чистая рубаха; темные волосы и борода влажно блестят от воды. Он мрачен.

– И какой же мудростью поделился с вами старик?

Бросив на Роусу предостерегающий взгляд, Пьетюр натянуто улыбается.

– Эйидль метит на место *bóndi* и считает тебя дьяволом.

Йоун ухмыляется.

– Отправь он меня на костер, и место *bóndi* будет свободно. Впрочем, раз уж я сам дьявол, сжечь меня будет нелегко.

Роуса ахает от ужаса, но Йоун смеется.

– Мы шутим, Роуса. Эйидль все пальцы себе сожжет, а на моей голове и волоска не подпалит.

Он смотрит туда, где остался Эйидль, и смех его обрывается.

– Однако ж нужно поостеречься. Когда с ним рядом Олав, он становится куда храбрее. Одному богу известно, что он тогда может наговорить. – Тут Йоун поворачивается к Роусе. – Извини меня, Роуса. Милости прошу! – Он протягивает к ней руки и делает шаг, будто собираясь снять ее с лошади, но останавливается и кланяется.

Смешавшись, она наклоняет голову в ответ.

– Спасибо.

Кто такой Олав? Спросить она не решается.

– Погляди, Пьетюр, до чего она скромна. Кроткая, что твоя пташка! Нравится ли тебе твой новый дом, Роуса? – Шея его в вырезе рубахи блестит от пота.

– Он очень... красив.

– Вот и славно. Ты будешь счастлива здесь, хоть мне и придется надолго оставлять тебя одну.

– Я... Конечно.

– И так послушна! Твой пабби хорошо тебя воспитал. Поди сюда.

Роуса спешивается, кланяется и протягивает руку. Йоун целует ее пальцы. Она подавляет желание вырваться. Его грубые лапы неприятно шершавы.

– Не слишком ли тебя утомило путешествие? Осенью, в дождь, дорога бывает трудна. – Он сжимает ее ладонь. – Надеюсь, нынешняя зима будет лучше прошлой. В том году только мой дом не пострадал от снега. Эйидль чуть не лопнул от злости. Но тебе здесь опасаться нечего.

Роусе хочется сказать ему, что она устала и мечтает вернуться домой, что Пьетюр заставил ее всю ночь провести в седле, а вчера вечером грозился вырезать человеку глаза ножом.

Однако она выдавливает из себя улыбку. От этого сводит скулы.

– Благодарю.

Взгляд Йоуна проясняется, словно напряжение наконец отпускает его. Ее рука потеет в плену его великанской ладони.

– Что твоя мама? – спрашивает он.

– Ей легче. Отвар из мха, который привез Пьетюр, помог от кашля, и теперь, когда у нее появился торф для растопки, в доме посуше стало. Мы тебе очень признательны.

Он отмахивается, будто отгоняет мух.

– Ну, полно. Теперь тебе нужно поесть. Пьетюр займется *dagverður*.

Пьетюр, до того молча наблюдавший за ними, приподнимает брови. Оба мужчины смотрят на Роусу и выжидающе молчат.

– Нет, – говорит она. – Я приготовлю *dagverður* на всех.

Йоун вжимает пальцы в ее ладонь.

– До чего ты послушна, – говорит он. – Идем.

И он зовет Роусу осмотреть дом, а Пьетюр остается на улице.

Прежде она думала, что муж введет ее в *baðstofa*, чтобы она исполнила свой долг – в ее воображении смутно рисуются обнаженные тела, и при мысли о неминуемой боли ее бросает в дрожь. Она внутренне замирает в ожидании поцелуя. Нет, она не отпрянет. Нужно поцеловать его в ответ.

Однако Йоун не останавливается в *baðstofa*. Он показывает ей четыре кровати – коротких, но довольно широких, чтобы в каждой поместились двое. Воздух густо пропитался дымной горечью от открытого очага. Все это знакомо Роусе, пускай здесь и не так тесно, как у них в Скаульхольте. Над головой, где она привыкла видеть пласты дерна с корнями, тянутся ряды плотно сколоченных досок, образуя потолок. Наверх ведет приставная лестница. Роуса кладет ладонь на ступеньку.

– Убери руки! – сурово велит Йоун. – Сюда.

Он ведет ее в просторную кухню. Роуса прежде никогда не видела кухню. Приземистый стол, табуретка и – небывалая роскошь! – высокий каменный *hlóðir* для готовки вместо открытого огня. Йоун изучает ее лицо, будто выжидая чего-то, и наконец подходит ближе. На скулах у него перекатываются желваки. Он нависает над ней потной громадой.

Роуса сглатывает.

– Дом... очень хорош.

– Господь вознаграждает послушных. Я всегда полагал справедливым, что почтительность заслуживает награды, а непокорность – наказания.

У Роусы пересыхает во рту, но она не в силах удержаться от вопроса:

– Здесь есть чердак?

– Это наша с Пьетюром работа. Очень уж мне по душе пришелся заморский обычай строить дома в высоту. Как-то я отправился на торговом корабле в Данию, чтобы продать пару кречетов...

– *Пару?* – Кречеты ценятся дороже золота.

– За них дорого заплатили холстиной и коровами. А стоило мне увидеть, какие дома строят в Дании и на Шотландских островах, я сразу понял, что мне нужен чердак. Тихое уединенное местечко.

– Могу я на него посмотреть? На чердак?

Йоун внезапно настораживается.

– Он заперт.

– Хоть одним глазком взглянуть?

Лицо его каменеет, словно в ее просьбе есть нечто непристойное.

– Там лежат мои бумаги и прочие личные вещи, которые женщине ни к чему.

– Пабби научил меня грамоте. Я могу быть тебе полезна. И я никогда не видела чердаков. – Выжидающе улыбнувшись, Роуса уже поворачивается было к лестнице.

– Стой!

Она застывает.

Он почесывает темную бороду и продолжает, уже мягче:

– Библия учит нас, что жены должны повиноваться своим мужьям¹⁴.

– Но...

Он вскидывает ладонь.

– Говоришь, маме твоей стало лучше? И мясо, что я присылаю, пришлось ей по вкусу? Нет нужды снова меня благодарить. Нетрудно быть щедрым с такую послушною женою.

Она так и раскрывает рот. Он легонько приподнимает ее подбородок, так что зубы клцают друг о друга, и холодно улыбается.

– Сюда. – Он берет ее под руку и ведет сперва в чулан, доверху забитый бочонками со *skyr*, а затем в кладовую, где со стропил свисает сушеная треска. – Я научу тебя потрошить и сушить рыбу, Роуса. А покамест мы заготавливаем сено. Умеешь ты косить?

Она кивает, вспоминая, как всхлипывает трава, когда в нее врезается лезвие косы.

– Вот и славно, – говорит он. – Принесешь нам *dagverður* и будешь помогать.

Она снова кивает. Скулы ломит. Бесконечный перечень обязанностей вызывает дурноту: ей предстоит стирать, готовить, прибираться, чинить белье, потрошить рыбу, косить. И этот запертый чердак... Да она свалится от изнеможения.

Йоун продолжает:

– У нас есть хлев и землянка, где хранятся рыболовные снасти и всякие орудия для работы в поле. Она заперта. К ней даже не думай подходить. – Глаза Роусы округляются, и он прибавляет: – Воры таскают веревки. Да и сами орудия острые. Мы живем в отдалении, и случись тебе пораниться, твоих криков никто не услышит.

Он сжимает ее плечо тяжелой ладонью. Лицо его бесстрастно, будто он говорит о погоде.

Роуса заставляет себя кивнуть. Она кажется самой себе марионеткой, которую однажды видела на купеческой подводе, – безъязыкой игрушкой, которая только и умеет что бестолково кивать или мотать головой по велению кукловода.

Йоун выпускает ее плечо и продолжает отрывисто:

---

¹⁴ Еф. 5:22.

– Подметать будешь каждое утро. Приносить нам с Пьетюром *dagverður* будешь в полдень, а *nattverður* – после заката. Мы едим в поле или в лодке.

У Роусы дрожат ноги.

– Ты и сегодня не станешь есть дома?

– Меня работа ждет, но сейчас мы с тобой поедем вдвоем.

Поежившись, Роуса плотнее кутается в платок.

– Я не голодна.

– Ты поешь. Со мной. – На его скулах выступают желваки. – Завтра принесешь нам *dagverður* в поле, что на вершине холма. Перейдешь ручей за домом, и тропинка приведет тебя, куда нужно.

– А самой мне есть надо будет в...?

– Как пожелаешь.

Стало быть, в одиночестве. Она прерывисто вздыхает и думает о маме. О Паудле. Переплетает пальцы, чтобы руки не дрожали.

– Я хочу... угодить тебе.

– Делай, как тебе велено, и угодишь.

На мгновение Роусе кажется, что он вот-вот наклонится и поцелует ее, но он берет ее за руку и прижимается к ней горячими мокрыми губами.

Она пересиливает себя и не вырывает руки, а потом принимается нарезать черный хлеб толстыми ломтями. Йоун наблюдает за ней. Она слышит его дыхание. Сердце колотится у нее в горле.

Они едят в молчании, и Йоун провожает взглядом каждый кусочек, который Роуса отправляет в рот. Хлеб рассыпается пеплом у нее во рту и тут же просится наружу, но она через силу все-таки проглатывает его. Йоун, впиваясь в хлеб зубами и размеренно жуя, приканчивает три ломтя. Он поднимается, доедая последний кусок на ходу, вытирает ладони о рубаху и говорит:

– Я вернусь поздно. Не дожидайся меня. Ляжешь спать, как стемнеет. Тебе надлежит о себе заботиться. Теперь ты моя жена, и жизнь твоя для меня важна.

С этими словами он поворачивается и выходит вон.

Как только его шаги стихают вдали, Роуса опускает голову на низкий стол. Прикосновение к твердому дереву успокаивает. Она закрывает глаза и стискивает зубы, пытаясь сдержать слезы. Ее муж – хороший человек, все ей об этом твердят. А все-таки за косою он идет в хлев, а вовсе не в землянку, где, по его словам, хранятся острые орудия.

Роусе вдруг слышится мамин голос – так ясно, как если бы та стояла у нее за плечом. *А ты чего ожидала, глупышка?* Что сказал бы о ее муже Паудль? Непременно что-нибудь смешное, но Роуса не может вызвать в памяти его голос, с трудом представляет его лицо. Черты его расплываются. Он остался в прежней жизни.

Она достает из кармана прелестную стеклянную фигурку. Увидев такое украшение на другой женщине, она подумала бы, что муж любит эту счастливицу без памяти.

Роуса вздыхает и прижимает холодное стекло ко лбу. Кожа ее пылает.

Солнце спускается все ниже. Она сидит в кухне и наблюдает за тем, как удлиняются тени. Мускулы ее одеревенели, ноги затекли от неподвижности, но она почему-то не в силах пошевелиться. Ей чудится, что ее изучают тысячи глаз, что тяжесть ладони Йоуна по-прежнему давит на плечо.

Наконец в окна начинает просачиваться зернистая серая полумгла. А вдруг Йоун все-таки возвратится? А вдруг он захочет разделить с ней постель? Она стискивает юбки обеими руками и прижимает их к ногам, будто это может помешать мужу овладеть ею.

Тени постепенно окружают ее. Она слышит шаги за спиной, вздрагивает и стремительно поворачивается. Никого. Она по-прежнему одна. Ветер скребется о стены дома, в отдалении

вздыхает море. Весь остальной мир словно перестал существовать. Роуса так напряженно вглядывалась в сумрак, что у нее разболелись глаза; она через силу поднимается и зажигает свечу. Пламя вынуждает темноту отступить, и на мгновение Роуса готова поклясться, что в углу белеет чье-то лицо. Она вскрикивает и чуть было не роняет свечу, но, присмотревшись, понимает, что это не лицо, а свернутое одеяло.

Роуса накидывает его на плечи. Дрожь так и не проходит.

Кутаясь в одеяло плотнее, она неожиданно натывается пальцами на что-то сухое и хрусткое. Она подносит свечу поближе и видит, что в ткани запутался крохотный ломкий стебелек разрыв-травы, подвешенный на нитке.

Быть не может... В этом доме? Она вглядывается пристальней. И вправду разрыв-трава. Если засушить ее в темном месте, а потом повесить на шелковую ниточку и носить на шее, она отогреет любые замки. Самого существования такого ожерелья достаточно, чтобы его обладателя обвинили в колдовстве.

Роуса снова мерещатся шаги за спиной, и она вмиг заталкивает одеяло с разрыв-травой под кухонную скамью и резко оборачивается. По-прежнему никого, только ветер гуляет во мраке. Она достает одеяло, осторожно высвобождает запутавшийся стебелек и с мыслью о чердаке и землянке прячет его в карман. Но тут пальцы ее натываются на деревянный крестик пабби. Она снова вытаскивает разрыв-траву и, оборвав листья, бросает их вместе со стеблем в *hlóðir*, прямо в тлеющие угли.

Отбрасывая упавшие на лицо волосы, Роуса чувствует, что щеки ее мокры, хотя она и не заметила, когда начала плакать.

Измученная, она садится за стол и ждет возвращения мужа.

Просыпается Роуса уже наутро. Дом погружен в тишину. Поморгав, она трет глаза и тут же вскакивает на ноги. Не возвращался ли Йоун? Вдруг он обнаружил, что она уснула? Он будет в ярости.

Она бежит через кухню к двери на улицу и, поспешно поднявшись на холм, видит, что от землянки вверх по тропинке идут Пьетюр и Йоун. Она опускает взгляд и делает книксен.

Йоун берет ее за руку, и она выпрямляется.

– У тебя усталый вид, Роуса. Я велел тебе отдохнуть.

– Я... Я отдохнула, – лепечет она, не решаясь спросить, где он ночевал.

– Сегодня принесешь нам еду в поле. И о прочих своих обязанностях не забудь.

Она кивает, вспоминая бесконечный список дел.

– Идем, Пьетюр, – говорит Йоун, и они снова спускаются к подножию холма.

Когда оба они исчезают из виду, Роуса стирает с лица натянутую улыбку и бредет обратно в дом. Щеки ее болят.

– Крепись, Роуса. – Слова ее пылинками повисают в воздухе.

Дом поскрипывает на ветру. Роуса заглядывает в темный угол *badstofa* и видит верхушку лестницы, исчезающую в раскрытом зеве потолка. Тут же ей вспоминается тяжесть теплой ладони Йоуна на плече. Тряхнув головой, она возвращается в кухню.

Отхватив ножом четыре ломтя тугого плотного хлеба, она густо намазывает каждый найденным в кладовке мягким жиром – наверное, прогорклое масло, думает она, но, лизнув его, чувствует вкус рыбы.

Китовый жир.

Поморщившись, она обследует остальные полки в кладовке. Большею частью там хранится сушеная рыба и полоски вяленой баранины, но есть немного *skyr* и кувшин пива. Обнаруживается и копченая баранья нога. Отрезав от нее несколько толстых кусков, Роуса укладывает их на хлеб – студенисто блестящее мясо поверх слоя белого жира.

Все это отправляется в деревянное ведро, но для двух взрослых мужчин такой ничтожной порции явно будет мало. Роуса добавляет еще хлеба и намазывает на него *skyr*.

Все еще мало.

Быть может, если ей удастся произвести впечатление на Йоуна, он будет с ней поласковее. Снова обшарив кладовку, она обнаруживает горшок с густым золотистым содержимым. Оно тоже похоже на масло, которое сперва растаяло, а потом затвердело. Роуса соскребает немного ножом и кладет в рот. Сладость со вкусом солнца тает на языке. С большим трудом она удерживается от того, чтобы не наброситься на лакомство. Она читала о незаконной торговле медом – покупать его разрешается лишь у датчан, – но никогда прежде его не пробовала.

Щедро намазав медом два последних куска хлеба, Роуса старательно вытирает стол и застывает в давящей тишине, рассеянно прикусывая кончик ножа. Солнце только поднимается к зениту, и время у нее еще есть. Смутно зарождающееся любопытство влечет ее в *badstofa*.

Кровати здесь шире, чем в Скаульхольте, но одеяла такие же, толстые, шерстяные. Роуса прижимает одно из них к лицу и вдыхает его запах.

Может, сбежать? Увести одну из лошадей и поспешить домой, пока не выпал снег? Нет, нельзя. Возвратиться означает бессильно наблюдать за тем, как чахнет и умирает мама. Роуса впивается зубами в губу, пока не чувствует привкус крови.

Она присаживается на краешек самой большой кровати, потом ложится. Вот оно, ее брачное ложе. Снова ее охватывает желание сбежать. Она закрывает глаза и выдыхает, на миг нарушая удушливую тишину, затем поворачивается лицом к стене, гадая, не смотрела ли Анна на ту же самую обшивку. Было ли ей тоже страшно? Роуса придвигается поближе к стене, разглядывает древесные узоры, проводит пальцем по неровным линиям. Вдруг раздается какой-то шорох, будто она, пошевелившись, сдвинула нечто спрятанное под тюфяком. Она приподнимает его за угол и видит лист бумаги, на котором начерчен огромный, выписанный сложной вязью знак. Не веря своим глазам, Роуса берет листок в руки. Да, и вправду рунический символ. Крик о помощи. Она в смятении разглядывает его.

Почему?

Вдруг над ее головой поскрипывают доски, словно потревоженные чьим-то весом.

Роуса мигом вскакивает и с колотящимся сердцем прячет свою находку обратно под тюфяк.

– Кто здесь?

Доски снова скрипят. Она бросается к лестнице.

– Эй?

Темный квадратный зев, не мигая, таращится на нее.

Ничего. Никого. Тихо.

Она начинает подниматься. В ушах стучит кровь. Черная пасть поглощает ее, и она различает лишь смутные очертания. Прикинув к двери почти вплотную, Роуса видит, что к ней, словно в знак предостережения, приделан огромный железный затвор.

Роуса толкает дверь, но тщетно. Она налегает на нее плечом, наваливается всем телом, – с тем же успехом можно было пытаться сдвинуть скалу. Прижавшись к доскам ухом, она чувствует тепло, будто они по-прежнему дышат живой жизнью далеких краев, где деревья поскрипывают на легком ветру.

Но вдруг она слышит приглушенный вздох: кто-то за дверью затаил дыхание.

Роуса вмиг скатывается по лестнице вниз, оскальзывается на последних ступеньках, падает, ободрав колени и порвав чулок, но ей сейчас не до чулка. Она поспешно удирает из *badstofa* в тепло кухни и только там останавливается, сгибаясь пополам и ловя ртом воздух. Постепенно бешеный стук сердца успокаивается и дыхание выравнивается, и тишина снова смыкается вокруг. Сверху не слышно ни звука.

Вот же дура, отчитывает Роуса сама себя и пытается рассмеяться, но губы дрожат и смех больше походит на всхлип.

Вдруг она замечает на грязном, усыпанном соломой полу несколько белокурых волосков, тонких, как шелковая паутина. Она подбирает их и наматывает на пальцы. Подносит к глазам – длинные, прямые, они покрыты пятнами какой-то коричневатой ржавчины, которая чешуйками осыпается ей на ладонь.

Кровь.

Роуса вздрагивает и швыряет прядку в *hlóðir* – туда же, куда прошлой ночью отправилась разрыв-трава. Подталкивая ее к огню железной кочергой, она снова слышит за спиной тот же звук – не то вдох, не то шепот. Кочерга со звоном падает на пол, но Роуса этого даже не замечает.

Она подхватывает ведро с едой, выскальзывает за порог и бежит к полю, страшась обернуться. Там, в доме, шевелится и дышит какое-то существо. Быть может, крыса. Но разве бывают такие огромные крысы, чтобы под ними скрипели доски?

В небе с криками кружат морские птицы. Роуса встряхивает головой. Должно быть, эти звуки ей померещились; она устала, и воображение разыгралось на пустом месте.

Чтобы успокоиться, она стискивает в кулаке стеклянную женщину. Та холодна и бескровна.

Мало-помалу Роуса начинает дышать ровнее. Она разглядывает волнистые мускулы полей, выпирающие кости гор, пустое небесное око.

В маленьком селении у подножия холма всюду кипит жизнь. Женщины снуют туда-сюда между домами, выкликая друг друга; двое мужчин пытаются привязать овцу, навалившись на нее каждый со своей стороны. Овца брыкается и сбивает их с ног. Наблюдающий за всем этим ребенок покатывается со смеху, а когда мужчины начинают кричать и угрожающе замахать для шлепка, бросается наутек. И вдруг замирает на месте, указывая пальцем на вершину холма. Прямо на Роусу. И тогда одно за другим, будто цветы, следующие за солнцем, к ней поворачиваются бледные лица.

Роуса приветственно машет рукой.

И тут все как один отводят глаза и возвращаются к своим хлопотам. Никто даже не оглядывается. Будто на холме стоит не она, а какой-нибудь горный дух.

Вдруг кто-то слева окликает ее. Роуса вздрагивает и поворачивается.

На тропинке, вскинув руки в знак приветствия, стоят две женщины. Ветер треплет их юбки. Они улыбаются, и Роуса чувствует, как отступает тянущее чувство в животе. Ей, наверное, показалось, что местные жители ведут себя странно.

У одной из женщин из-под чепца выбиваются седые пряди, и она тяжело опирается на руку своей спутницы, которая, впрочем, тоже отнюдь не молода. В волосах ее виднеется седина, однако она высока и широкоплеча, и пристальный взгляд еще не утратил блеска.

– *Sæl og blessuð!* – говорит она мелодичным голосом.

– *Sælar og blessaðar,* – отвечает Роуса.

– *Blessuð,* – бормочет старуха. Лицо ее походит на мягкое вязанье, а почти безгубый ввалившийся рот – на дурно заштопанный носок.

Лицо женщины помоложе расцветает.

– Я Катрин Сигурдсдоуттир, а это Гвюдрун Пьетюрсдоуттир. Ты ведь Роуса?

У Катрин бледно-голубые глаза, которые придавали бы ее лицу суровое и холодное выражение, когда бы не открытая улыбка.

– Да. Роуса Магнусдоуттир. – Она смущенно улыбается. – Я только вчера приехала.

– Трудной была дорога-то?

– Ехать далеко, и я немного устала. – Роуса тут же спохватывается, что лучше бы держаться поприветливей, и обводит рукой море и горы. – Здесь очень красиво.

Гвюдрун кричит так громко, будто Роуса стоит на другом краю поля:

– Ты совсем молода, дитя мое! И худа как щепка! – И поворачивается к Катрин: – Ее унесет первым же порывом ветра. Хотя Анна тоже худенькая была. Йоуну такие по душе, кожа да...

– Гвюдрун! – одергивает ее Катрин.

Губы Гвюдрун кривятся, и она бормочет что-то невнятное.

Роуса нарушает неловкое молчание:

– Мне двадцать пять.

– Двадцать пять? И только что замуж вышла? Да ведь ты не сказать чтобы совсем дурнушка, хотя глаза у меня уже не те. Что, Катрин, безобразная она?

Катрин сердито цокает языком.

– Вовсе нет. Извини Гвюдрун, Роуса. Она думает, что число пережитых зим извиняет ее дурные манеры.

– Я сказала вслух то, что все остальные подумают, – бурчит Гвюдрун.

– Не забывай, что мудр тот, кто держит рот на замке, – отрезает Катрин и вполголоса поясняет Роусе: – Гвюдрун любит подлить масла в огонь. Не обращай внимания, и ей быстро прискучит.

– Что ты там бормочешь, Катрин? – кричит Гвюдрун.

– А еще она глуховата. Так что, если понизить голос, можешь говорить о ней все, что вздумается.

Роуса подавляет смешок.

– Извините меня, но я должна отнести еду Йоуну.

– Ты так и не пригласишь нас в дом? – громко возмущается Гвюдрун. И добавляет вполголоса, повернувшись к Катрин: – Я-то думала, эта будет другая.

– Ради всего святого, Гвюдрун, умолкни. Мы, пожалуй, наведаемся к тебе в другой раз, когда Йоун в море уйдет.

У Роусы сжимается сердце.

– Он не любит гостей?

В глазах Катрин внезапно мелькает тревога, будто она хочет о чем-то предупредить Роусу.

– Он не любит чужих в доме.

Она легонько пожимает руку Роусы, и в этом жесте столько сочувствия и неожиданного понимания, что Роуса готова расплакаться.

Катрин разглядывает ее, сощутив глаза, и словно читает ее мысли.

– Ты прежде никогда не вела хозяйства? И присесть-то бывает некогда.

У Роусы так сжимается горло, что она не в силах говорить. Она качает головой.

Катрин улыбается.

– Приходи к нам и захвати с собой белье на починку. Мы часто вяжем вместе, покуда мужчины рыбачат или работают в поле.

– Этого Йоун тоже не одобрит, – ворчит Гвюдрун. – И разве ты не должна на сей раз держаться от его жены подальше, а, Катрин?

Катрин косится на старуху и, понизив голос, торопливо бормочет:

– Приходи ко мне, если что-то вдруг покажется тебе странным. Обещай, что придешь. Оставаясь в одиночестве, погружаешься во тьму.

Это звучит почти как угроза, и Роуса пятится.

Вдруг Катрин застывает: ее взгляд прикован к стеклянной женщине, висящей у Роусы на шее. Рот ее ошеломленно приоткрывается. Роуса прячет фигурку в вырез платья.

Гвюдрун фыркает, прерывая повисшее молчание.

– Что ж, ты хотя бы грамоте умеешь – значит, не станешь доставлять всем хлопот и рисовать закорючки на камнях, как Ан...

– Это Пьетюр тебя привез? – перебивает ее Катрин нарочито оживленным тоном.

Роуса кивает, инстинктивно стискивая камень с гальдраставом в кармане.

Гвюдрун подается к ней.

– Эйдиль все сокрушается, что так и не смог приструнить Пьетюра, но я ему не раз говорила: дьявола тебе не сломить.

– Думаю, Роусе не стоит слушать...

– Этого Пьетюра, скажу я вам, осудить бы на альтинге да вздернуть. Зверь лютый, вот он кто. Никак в толк не возьму, почему Эйдиль до сих пор его любит, после всего, что...

– Довольно, Гвюдрун! – Катрин потирает виски. – Роуса должна кормить Йоуна, а мы ее задерживаем. Было приятно с тобой познакомиться, Роуса. *Bless*.

– *Bless*. Взаимно.

И Катрин уводит Гвюдрун, которая по-прежнему что-то бормочет, но ветер не дает слышать слов.

Роуса продолжает путь по тропинке, ведущей в поле, и считает шаги, чтобы успокоить мысли.

Стиккисхоульмур, сентябрь 1686 года

Роуса торопливо шагает вдоль берега угрюмо-серого моря, наблюдая за тупиками, которые пикируют с утесов в воду и выныривают, набив клювы мелкими рыбешками. Прямо из-под ног у нее неожиданно вспархивает белая куропатка, и глухое хлопанье ее крыльев напоминает стук сердца. Собственное сердце Роусы гулко и неистово бьется в груди.

Наконец посреди луга она видит обоих мужчин. Йоун жестом подзывает ее, и она оживленно машет рукой в ответ. Сейчас она расскажет о том, что ей наговорили женщины, и о звуках, которые ей померещились. Они посмеются, и веселье Йоуна прогонит страх, затаившийся у нее в животе.

Но вдруг он поймет, что она поднималась по лестнице? Он ее муж и к тому же *bóndi* – может выпороть ее за непослушание.

Она идет по одной из дорожек, протоптанных в высокой траве. Стебли шуршат и цепляются за подол.

Йоун кладет наземь косу и, широко улыбаясь, обводит рукой поле.

– Славный урожай – верно, Роуса?

Он улыбается, радостные глаза искрятся на солнце – вот он, ласковый муж, о котором мечтает любая. Роуса уже готова прильнуть к нему, готова во всем сознаться. «Я слышала странные звуки. Почему чердак заперт?»

Но под его испытующим взглядом ей вдруг начинает казаться, что рот ее заткнули тряпкой. Она сглатывает.

– Ты много работаешь, – хрипло выдавливает она.

Он кивает.

– Обычно люди не засеивают больших полей и оставляют их для выпаса овец, а потом всю зиму кое-как перебиваются на сушеной рыбе. Меня еще с детства от нее мутит. Сколько ни съешь, все равно остаешься голодным. Жуешь ее и жуешь, точно вымоченную в море рубаху.

Роуса улыбается. Метко сказано.

Глаза Йоуна блестят.

– В Стиккисхоульмуре всегда жили бедно, едва ли не впроголодь, и то и дело болели. Я работал в поле от рассвета до заката, а ночи проводил в море и вылавливал больше рыбы,

чем все мои соседи вместе взятые. Я удобрил землю навозом, чтобы выращивать ячмень, и так откормил скот, что крупнее во всей округе не сыщешь. Да еще и кречеты – каждый стоит тридцать коров, а какая-нибудь королевская особа даст и того больше.

– Подумать только! – На сей раз в голосе Роусы звучит непритворное восхищение.

Он отмахивается, но по-мальчишески заливается краской.

– Я не допущу, чтоб сельчане голодали. Иной *bóndi* засечет своих людей до полусмерти и сдерет с них три шкуры. Но я не тиран, хотя кое-кто в Стиккисхоульмюре и считает меня таковым.

– Эйидль? – тихо спрашивает Роуса, припоминая фигуру в черном.

Йоун хмурится.

– А еще Олав, прихвостень его. Они называют меня злодеем.

Пьетюр фыркает.

– Эйидль по самую макушку набит навозом. Он ему глаза застит, вот все и кажется дерьмом.

Роуса невольно хихикает.

Йоун тепло улыбается ей.

– В поле пахать – дело неблагодарное. Земля здесь сплошь камни, пепел да песок. Но оно того стоит. Иначе у нас челюсти сведет от сушеной рыбы. – Он зачерпывает пригоршню сернистой земли и развеивает ее по ветру. – Нравится тебе рыба?

– В общем, да.

– Ха! Лгать грешно. – Однако лицо его сияет и кажется совсем юным. – Страшная дрянь. Хорошо, что у нас есть баранина. – Он заговорщически склоняется к ее уху. – Мальчишкой я даже крыс ловил, лишь бы не питаться рыбой. – И хихикает. – Только погляди, Пьетюр, какие у ней глаза! Да не придется тебе крыс есть, Роуса.

– Я в роскоши не жила и не слишком привередлива.

Йоун легонько трогает ее пальцы.

– Это ты еще травы не пробовала, Роуса. У нее вкус солнца. Мои коровы и овцы самые выносливые во всей округе. Датчане за них двойную цену дают. На-ка. – Он срывает золотистую метелку и кладет ей на ладонь. – Съешь.

Неужто он ждет, что она будет жевать сено, как овца? Роуса в изумлении глядит на него. Йоун, не мигая, – на нее. Она медленно засовывает стебелек в рот, жует. Словно жук царапает горло шипастыми лапками. Йоун внимательно наблюдает за ней. Она разжевывает метелку, сглатывает.

Он поднимает брови.

– И?

– На вкус как... солнце и море. – Она силится не закашляться.

Йоун хлопает в ладоши и заливается смехом, как ребенок.

– Пьетюр! Пьетюр, поди-ка сюда. Ей понравилась трава.

– Дешево же тебе обойдется жена, которая любит корм для скота.

Они смеются. Горло Роусы как будто скребли ножом.

Йоун настаивает на том, чтобы она тоже взяла косу. Он ничуть не похож на того Йоуна, который сверлил ее свирепым взглядом и запрещал подниматься на чердак. Мягко придерживая ее руку своей, он показывает, как описывать косой широкие дуги то в одну, то в другую сторону, как поймать верный ритм, чтобы лезвие входило в гущу стеблей, точно в масло. Спичкой и бедрами Роуса ощущает, как он прижимается к ней, и это рождает в ней смущение и жар.

Пьетюр идет следом, собирая сено в охапки, перевязывая их длинными стеблями и приклоня готовые снопы друг к дружке, чтобы они сохли, вызревали и пухли на солнце.

Йоун то направляет руку Роусы, то приобнимает ее за талию. Она застывает от его прикосновений, и все ее тело гудит, словно обточенная ветром ракушка. Роуса медленно выдыхает

и закрывает глаза, но не может разобраться в путанице своих чувств и понять, что так кипит у нее внутри.

Йоун, кажется, даже не видит замешательства Роусы. Заглянув в ведро с *dagverður*, он издает радостный возглас, но тут же говорит, что в другой раз ей следует быть бережливеей.

– Этих запасов нам на всю зиму должно хватить, не то придется глотать одну сушеную рыбу.

Комок страха в груди Роусы понемногу тает. Йоун улыбается ей, и оба они с Пьетюром смеются. И все же, стоит ему потянуться к ней, чтобы убрать упавшую на лоб прядь, как смех ее тут же обрывается, и горло сдавливают.

На скулах у него набухают желваки, но он отдергивает руку и отворачивается.

Роуса лепечет извинения, но слова ее беспомощно повисают в воздухе.

Пьетюр снова берется за косу, собираясь вернуться к работе. Йоун, прищурившись, смотрит на море. Роуса отчаянно силится придумать, что же ей такого сказать, чтобы стереть эту раздраженную мрачность с лица мужа.

Неожиданно она говорит:

– По дороге сюда я встретила двух женщин.

– Кого? – Тон Йоуна резок, как хлыст.

– Гвюдрун и Катрин. – Роуса накручивает на пальцы стебелек и дергает его с такой силой, что кончики пальцев обжигает болью.

– Гвюдрун – смутьянка, да и Катрин я бы доверять не стал. – Он сжимает кулаки. – Это неподходящая компания для жены *bóndi*. Нечего тебе с ними знаться. Они тебе голову заморочили.

Роуса еще туже накручивает стебелек на пальцы, и они окрашиваются алым.

Йоун берет ее руку в свою и распутывает травяную петлю. Его пальцы грубы на ощупь, большие ладони подрагивают от сдерживаемой силы.

– Что такое?

– Они сказали... Они сказали...

– Что они сказали?

В его голосе металл, и она вздрагивает.

Йоун вздыхает и трет глаза.

– Роуса, меня ждет неубранное поле. Что они сказали?

– Они сказали, что... что ты никого не пускаешь к себе.

– Я не могу звать в дом каждого встречного.

Она сильно прикусывает губу, чтобы та не дрожала. Но Йоун тянется к ней и осторожно высвобождает губу большим пальцем. Роуса застывает и ждет, пока он уберет руку.

– Ты не станешь приглашать этих женщин в гости, – мягко, почти ласково произносит он, поглаживая ее по щеке. – Хорошо?

– Но с кем же мне общаться?

– Посмотри на меня, Роуса, – говорит Йоун с нотками стали в голосе.

Она отворачивается от растворяющейся в бесконечности морской глади и натывается на его шершавый каменный взгляд.

– Я видел, как сплетни губят человека. Ты должна понять. – Он вздыхает. – Анна... Я предупреждал ее. Ей стоило меня послушать.

Роуса молчит, и Йоун склоняется к ней. Она отодвигается.

– Останься ты при церкви, Роуса, и жизнь твоя протекала бы в уединенной молитве и труде. Мне думалось, что ты будешь рада...

– Я рада. Просто...

– И в чем тогда дело?

– Ни в чем, только...

– Что? – рычит он.

– Мне... – сдавленно пищит она. – Мне что-то послышалось.

– Послышалось?

– Это было похоже на... Мне показалось, я *что-то* слышала.

Йоун громко сглатывает.

– Где?

– На чердаке. Но дверь была заперта, и я не...

– Ты не входила туда? Я тебе запретил, Роуса! Ты дала мне слово.

– Я не входила! Но...

– Но?

Она вздрагивает.

– Я испугалась. Я думала, что это какой-то зверь.

Внезапно он хохочет, и она пугается.

– Да крыса, наверное. Придется снова пустить их на мясо, раз их шуршание так тебя пугает. – Он наигранно смеется, сверля ее настороженным взглядом. – Ты не поднималась по лестнице?

Она молча качает головой.

Он похлопывает ее по руке. Ладонь его холодна, челюсти сжаты, улыбка не касается глаз.

– Крысы бывают свирепы. Они могли тебя укусить.

Под платьем не видно, как дрожат ноги Роусы.

Он подбирает с земли косу.

– На чердак не поднимайся. Крысы опасны. – Он отворачивается. – Я вернусь, когда стемнеет, и мы сядем за *nattverður* вместе. Тебе бы этого хотелось, правда? – Она чувствует на себе его взгляд, осязаемый, как прикосновение.

По-прежнему не поднимая головы, Роуса решает украдкой посмотреть на него. На лице его не осталось и следа бывшего мальчишеского веселья. Губы превратились в бледную ниточку. Сжав рукоятку косы так крепко, что костяшки пальцев белеют, он яростно врезается лезвием в траву.

Роуса бегом спускается обратно по склону и набирает ведро холодной воды из ручья. Весь остаток дня она рьяно прибирается в доме, и воздух наполняется звуками ее учащенного дыхания, шуршанием метлы и повизгиванием скребка. Уборку здесь делали совсем недавно, но на выскобленный деревянный стол уже лег тонкий слой пыли. Когда Роуса выколачивает одеяла, из них, точно блохи, разлетаются семена трав с полей.

Кажется, мир ее мужа преследует ее повсюду.

Она направляется в хлев, говоря себе, что нужно задать корм скоту, но перед землянкой останавливается. Пабби часто бранил ее за любопытство. Предупреждал, что оно доведет ее до беды.

Дверь землянки заперта. Роуса пытается заглянуть внутрь через щели между стеной и окном, однако в темноте ничего не видно. В затылке у нее покалывает, но, обернувшись, она убеждается, что позади никого нет. Разве что вдали, у подножия холма, раскинулось кипящее жизнью селение. Наблюдая за хлопочущими людьми, Роуса замечает, что время от времени они останавливаются и поднимают головы, заслоняя глаза от солнца. Будто тоже что-то ищут. Некоторое время Роуса глядит на сельчан, но их суета и оживленная болтовня заставляют ее еще острее ощутить собственное одиночество, и она медленно бредет обратно в дом, к недоделанной работе.

Здесь, на севере, темнота расплывается по небу раньше, по крупицам вымывая свет и окрашивая все вокруг в оттенки серого. Поглощенная отскабливанием полов, Роуса понимает, как сильно стемнело, только когда ударяется затылком о край стола. Ночь уже запускает в

дом свои студеные пальцы, и Роуса, потирая ушибленное место, откладывает тряпку, зажигает сальные свечи и греет руки в густом пламени. От запаха свечей скручивает желудок: за весь день она почти ничего не ела, кроме пары кусочков хлеба, которые взяла украдкой, пока готовила мужчинам *dagverður*. Она отрезает тонкий ломтик, намазывает его медом и ест, повернувшись спиной к *hlóðir*. Теплый хлеб напоминает ей о сенокосных полях.

Она подходит к двери и выглядывает наружу. Йоуна не видно. Лишь темная пустота ночи все крепче сжимает кулак.

Роуса поспешно зажигает лучину, бежит к лестнице и неловко взбирается наверх, держа за ступени одной рукой и боясь затушить дрожащий огонек неосторожным движением. Добравшись до двери, она подносит лучину к замку и тянет за скобу. Рука дрожит, пламя трепещет, Роуса дышит шумно и сбивчиво.

Дверь не поддается. Она разглядывает замочную скважину, ощупывает ее. Может стать, если раздобыть сломанную ложку или какую-нибудь железку, она сумеет...

Вдруг до нее доносится шорох, потом звуки шагов и голоса. Роуса так и застывает, но быстро соображает, что шум доносится снизу, с улицы.

Йоун!

Роуса задувает огонек и мгновенно оказывается во мраке. Она вынуждена спускаться наощупь в кромешной тьме, сердце колотится, в ушах звенит, руки соскальзывают со ступенек – где они, эти ступеньки? – и вот она уже в *badstofa*, уже бежит в кухню, а голоса все ближе, и она зажигает свечу, достает баранину, и *skyr*, и хлеб. Буханка падает на пол, и приходится обтирать ее от грязи, и поэтому, когда Йоун и Пьетюр наконец входят, Роуса, запыхавшаяся, глядит на них широко раскрытыми глазами и держит хлеб перед собой, будто щит.

– Больше мяса нет. Извини меня, я думала... Этого мало. Завтра я схожу в селение, быть может, кто-нибудь из женщин даст мне баранины в обмен на хлеб или рыбу.

Веки у нее подрагивают.

Йоун качает головой.

– Этого покамест хватит. – Он окидывает взглядом ее раскрасневшиеся щеки и тяжело вздымающуюся грудь. – Тебе нездоровится, Роуса? Что-то случилось?

Она яростно мотает головой.

– Я добуду мяса завтра. Может, Катрин...

– Нет!

В голосе его звенит сталь, и Роуса вздрагивает.

– Нет, – повторяет он уже мягче. – Я не позволю тебе по чужим дворам шастать и едой торговать. Ты не какой-нибудь датский матросишка. Пьетюр зарежет овцу.

– Но я то и дело вымениваю что-нибудь пригодное в доме у других женщин. И мне бы хотелось посмотреть...

– Скоро ты освоишься и поймешь, что местные любят распускать слухи. Незачем подавать им лишний повод для кривотолков. – На лице Йоуна появляется и гаснет натянутая улыбка. – У тебя есть все, что нужно. Будет и мясо, если захочешь. Ты будешь довольна.

– Но... – Она стискивает юбки и делает вдох. – Мне хотелось бы завести подруг – не для того, чтобы сплетничать, конечно, я не стану говорить с ними о тебе, а только...

– Хватит!

Взгляд его непреклонен.

– Ты будешь делать, что я велю.

Роуса кивает. Она страшно устала. На руку капает слезинка, и она сердито смахивает ее.

Йоун сжимает ее пальцы.

– Нет нужды плакать.

Он делает несколько глотков *brennivín*, отправляет в рот гигантский кусок хлеба и шумно жует, глядя в тарелку.

– Ты устала, Роуса, и ты сама не своя. Но я прощаю тебе твое любопытство. Оно естественно. Я понимаю. Делай, как я скажу, – и я не буду сердиться.

И в этот миг, словно удар под дых, на нее обрушивается внезапная и безотчетная тоска по тесному домику в Скаульхольте, по возможности свернуться калачиком под одеялом и прижаться к маме. Они с ней тогда еще смеялись над тем, какие ледяные у них ноги. Они были голодными, озябшими и счастливыми.

Будто прочитав ее мысли, Йоун продолжает:

– Пьетюр наутро отправляется на юг торговать. По пути он заедет в Скаульхольт, чтобы свидеться с твоей мамой и привезти ей новых съестных припасов. Можешь написать ей, что у тебя все благополучно и что ты счастлива. У меня есть бумага и чернила.

До чего странная попытка примирения. Роуса не решается спросить, можно ли ей поехать с Пьетюром. С каким удовольствием она бы согласилась проделать этот ужасный путь еще раз, лишь бы вернуться домой, к Сигридюру!

Но если она хочет, чтобы мама пережила эту зиму, придется остаться здесь, слушаться мужа и быть ему хорошей женой.

Роуса чувствует себя форелью, которую насадил на острогу Пьетюр в Скаульхольте. Как ни бейся, как ни трепыхайся, уже не вырвешься.

Она неловко встает из-за стола, моет посуду в лохани с водой из ручья, на цыпочках идет в *badstofa*, снимает шерстяное платье, натягивает ночную сорочку и ныряет под вязанные одеяла.

Постель пропиталась ночной прохладой. Роуса ежится и ждет, когда придет Йоун и ляжет рядом. Она считает собственные частые вдохи, раздающиеся будто откуда-то со стороны, крутит в пальцах уголок одеяла и подавляет желание сунуть его в рот, как в детстве. В серебристом свете луны, льющемся в затянутое пергаментом крохотное окошко, все предметы в комнате обрастают резкими тенями. Во тьме, обступающей это мерцающее пятнышко, может скрываться что угодно. Зубы Роусы стучат.

С кухни доносится шум. Звучат раскаты мужского хмельного смеха.

Роуса крепко зажмуривается и натягивает одеяло почти до самой макушки. Она стискивает в кулаке стеклянную женскую фигурку, сворачивается калачиком и прижимает ее к груди, словно убаюкивая собственный беспокойно мечущийся разум.

Она проваливается в шершавое полузабытье, где весь мир состоит из сумрака и звуки похожи на дыры в шерстяном одеяле. Она – Роуса, но в то же время Гудрун из «Саги о людях из Лососьей долины», разрывающаяся между двумя возлюбленными. Йоун держит ее за одну руку, Паудль – за вторую, и она пытается вывернуться из рук Йоуна, но только притягивает его ближе. Она хочет закричать, но из раскрытого рта не выходит ни звука, а потом она начинает задыхаться и один за другим выплевывает камни, на которых начертаны руны. Она опускается на колени, чтобы собрать их и спрятать от Йоуна, но вот уже его ладонь приподнимает ее подбородок, вынуждая ее посмотреть ему в глаза, и когда их взгляды встречаются, его зубы обнажаются в злобном оскале.

«Анна!»

Роуса резко садится на постели, схватившись за горло: на шее у нее все еще смыкаются пальцы Йоуна, в ушах все еще звучит рычащее «Анна!».

Соседняя кровать холодна и пуста, полоска лунного света растаяла, и дом окутала ночь. С кухни не доносится ни звука. Мужчины куда-то ушли. Задать корм скотине?

Внезапно Роуса вспоминает о найденном листочке с руническим символом. Она засовывает руку под тюфяк, но пальцы встречают пустоту. Она садится, приподнимает край тюфяка, заглядывает под него, ощупывает раму кровати. Ничего.

Странно. Неужто собственный разум снова сыграл с ней злую шутку? В свой первый день здесь она была ужасно измотана.

Роуса вздыхает и ложится обратно, но тут сверху доносится какой-то шум. Доски потолка явственно скрипят, будто по ним ступает кто-то в башмаках с мягкой подошвой. Роуса задерживает дыхание, боясь пошевелиться. Скрип повторяется. Она прерывисто выдыхает и затыкает рот одеялом.

В замке поворачивается ключ, и кто-то спускается по лестнице.

Роуса крепко зажмуривает глаза и снова перестает дышать. Незвестный – кем бы он ни был, если это вообще живой человек – сейчас в *badstofa*. В течение пяти оглушительных ударов сердца не происходит ничего, а потом Роуса чувствует шевеление воздуха: кто-то проходит мимо ее постели. Шаги замирают рядом с ее головой, и она пытается выдохнуть, задышать размеренно, сделать вид, что спит. Несколько мгновений спустя неизвестный проходит в кухню и оттуда – на улицу, в ночь.

Роуса лежит не шевелясь и считает каждый вдох и выдох. На пятидесятом она, пошатываясь, встает, несется стремглав в кухню и выворачивает все съеденное вечером в остывающие угли *hlóðir*.

Она прижимается лбом к камням и стоит так, пока не восстанавливается дыхание. Потом ковыляет обратно в *badstofa*, снова ложится и ждет Йоуна. Он так и не приходит, и она зажмуривается и лежит, дрожа и считая удары сердца.

Когда Роуса наконец открывает глаза, бледные лучи раннего утра просачиваются в щель между затягивающим окно пергаментом и шторой из лошадиной шкуры. По-видимому, несмотря на страх, Роуса все-таки уснула, и теперь уже поздно. Йоун будет в ярости. Он наверняка приходил домой ночью – но когда? Во рту у нее пересыхает, и она словно опять слышит шаги над головой, склонившегося над ней незнакомца и слабое шевеление воздуха, когда этот человек – или *не человек* – прошел мимо ее постели.

Как спросить об этом Йоуна? Она вспоминает, как он сжал кулаки, стоило ей заговорить о чердаке. А может, он посмотрит на нее с жалостью, как на малое дитя с чересчур живым воображением?

Некоторое время она сидит на постели, спрятав лицо в ладонях, но потом заставляет себя встать, перевести дух, одеться, пройти в кухню.

Йоун склонился над лоханью и плескает воду себе на лицо и на руки. Его обнаженная грудь и спина густо поросли темными волосами, как звериная шкура.

Залившись румянцем, Роуса опускает взгляд.

– Извини, – хрипло бормочет она, – я, должно быть, заспалась. Мне казалось, я слышала... – Она поднимает глаза, ища в его лице подтверждение тому, что это он ходил ночью по дому. Что это он смотрел на нее, пока она спала.

Но Йоун смотрит бесстрастно.

– Еще рано.

В его голосе ни следа былой досады. Но где он спал? Не за столом же? К облегчению – он так и не тронул ее – примешивается беспокойство: вдруг с ней что-то не так, вдруг она ему противна?

Вокруг шеи у него повязан кожаный шнурок, а на нем висит крохотная фигурка из стекла. Она похожа на стеклянную женщину, которую он подарил Роусе, только, по-видимому, изображает какого-то святого – такие медальоны носят католики. *Bóndi* подобные украшения надевать не пристало. Заметив, что Роуса разглядывает фигурку, Йоун с вызовом приподнимает брови. Она отводит глаза.

Он берет ее за руку, притягивает к себе и целует в уголок губ. Она задерживает дыхание и замирает. Его борода царапает ей щеку. От него пахнет мылом из бараньего жира.

– Сегодня я покончу с сенокосом. Принеси мне *dagverður* в полдень, и мы поедем вместе. Ты ведь этого хочешь, правда? – Он треплет ее по щеке.

Щеку покалывает.

– Правда, – шепчет она.

– На Пьетюра не готовь.

– Почему?

– Он отправился на юг еще до зари. Я дал ему в дорогу провизии для твоей мамы. Времени писать письмо уже не было, но он и так скажет ей, что ты со мной счастлива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.